

Предисловие

Играйте Гамлета!

«Беглым, кувыркающимся почерком я записываю на службе на вчетверо сложенном листке мысли, приходящие в голову, и воровато, будто взятку, прячу исписанный листок в пиджак». Из дневника, ноябрь 2001-го.

Эту тетрадь в синей обложке, сшитую в переплетной мастерской из серых листов чрезвычайно неудобного для дневника формата А4 мне подарила (кажется, на день рождения) жена. Безотчетно, видимо, желая усадить за стол гуляку-мужа.

Заканчивая осенью — зимой 2007 года «Джизнь Турубарова», я писал также, параллельно, несколько рассказов. Пять-семь рассказов, думал я. Чтобы к моменту выхода романа предъявить издателю очередную книжку, закрепить (предполагавшийся) успех.

В это же время мне попала книга Стивена Кинга с неожиданным для этого автора названием «Как писать книги». Я несколько раз перечитал ее. Не потому, что рассчитывал научиться у Кинга писать, а потому, что Кинг — загадочный писатель, в его романах есть мистическое нечто, заставляющее убедиться, что «король ужасов» писал не ради миллионов долларов, но в силу более серьезных обстоятельств.

Дело в том, что, как ни странно это прозвучит, я и сегодня не уверен, что «Джизнь Турубарова» написал я. Тем более что мне об этом говорили близкие: «Это не ты. Это живет само собой». Именно это, на мой взгляд, и делало мой текст значительным. Это — но что?!

Кинг ничего не говорит о «нечте». Его книга совершенно безнадёжна для людей, всерьез отнесшихся к ее названию. Но есть все же, есть нечто, что, почти неуловимое, из «просто» человека делает художника.¹

Вот я пишу, что всё — Бог, родина, любовь, успех — заключено в движении. Много ли надобно ума, чтобы понять это, начать движение? Это, наверно, в каждом предисловии написано.

Но ведь и этого недостаточно! Талант? В юности я считал, что даже за описанием зеленого бутылочного стекла, если работа сделана талантливо, неизбежно сверкнет истина. Это не так. Ничего там, кроме бормотухи, не сверкнет.

Почему посредственный фельетонист и автор заурядной рукописи «Копыто дьявола» Михаил Булгаков делается вдруг великим Мастером, как будто с какого-то момента к делу подключаются некие высшие силы и начинают диктовать? Есть ли они, высшие силы? И если да, то с какого момента они подключаются, почему?

---

¹«Божественного человека, восходящего по пути Слова к бессмертию», — как сказано в одном из переводов Трисмегиаста. По-моему, неплохо.

Предлагая вниманию читателей свои дневники времен написания романа «Джизнь Турубарова», я не хочу сказать, что дам ответы на эти великие вопросы. Увы, ответов нет. До сих пор, по крайней мере, не было. Интересным кажется другое: там есть «почти неуловимая» граница, за которой из писаки, болтуна, лентяя, начинает вырастать что-то, похожее на настоящее. Четкой привязки этого *момента обращения* к какой-то дате нет. И тем не менее он есть.

Русский философ Семён Франк в книжечке со скромным названием «Смысл жизни» писал: «Чтобы иметь отношение к вечности, надо удовлетворять трем требованиям. Во-первых, думать о ней. Во-вторых, работать на нее. В-третьих, верить в нее». Кажется, о том же я записывал в дневник в 2006 году: «Играйте Гамлета!» Буквально: как играл его в любительском театре в Шахматове Александр Блок.

Играйте Гамлета, примерьте его шуры на себя, и ваша жизнь будет таинственно волшебной и прекрасной. Смерть, правда, может быть ужасной, зато жизнь — волшебной.

I.

В Столице Мира

1999 год

11 февраля 1999 г.

У меня есть мечта. Не о деньгах.

Я хочу написать книгу, которую можно читать с начала, с конца, середины, с любого места.

Дело в том, что умному читателю (то есть потенциальному писателю) не нужна никакая «литература». Это же, по большому счету, дикость, бред — сочинять фабулу, выдумывать героев, давать им какие-то фамилии... Обман, недостойные взрослых людей делишки, игра в Деда Мороза.

13 декабря 1999 г.

«Замахнуться» на такую книгу надо иметь смелость. Читатель ведь всегда умней писателя. То есть только тогда книга

будет воспринята нормально, всерьез, с одобрением или восхищением даже, если человек, читающий ее, найдет в тексте себя («себя, любимого»).

Ну, если на пальцах: вот я вспомню, что в школе у нас, в одном со мной классе, был маленький еврейский мальчик Сережа (да тогда мы еще не знали, что он — еврейский мальчик), и однажды летом, на каникулах, я обидел Сережу, «закурял» его на озере, где мы купались, и он плакал и убегал от нас, едва натянув на босу ногу кеды и схватив рубашку, а я догонял, пытаюсь извиниться, и если я расскажу об этом по-человечески искренне и литературно правдиво — каждый вспомнит нечто подобное в своей жизни и ощутит себя или моим «персонажем», или этим мальчиком — и случится чудо понимания, и радости, и раскаяния, и очищения...

Дело еще и в том, что делание себе литературного имени тем способом, каким делали его прежние писатели (написание стихов, рассказов, повестей, а там, глядишь, романов с обсуждением их в критике и в массах), сегодня, похоже, невозможно в принципе. Все это уже никому не нужно — по крайней мере, в последние 15–20 лет.

Но люди не хотят оставаться без книги (я первый не хочу)!

А старое все уже перечитано.

За сбычу мечт!

2000 год

19 сентября 2000 г.

Великая штука — лень! Вот — могу записать то, что ниже будет записано, а могу и не записать — потому что писать лень. И надо ли — Господь знает?! И еще бóльшая лень — читать уже кем-то написанное.

(Право на лень.)

«Самопознание» Бердяева, безусловно, сильнее «Исповеди» Руссо и многих других «исповедей». Т. е. не в том смысле сильнее, что умнее — это понятно, это как в спорте: ясно, какой «Спартак» сильнее, из пятидесятих или нынешний — а сильнее в смысле именно искренности. Да и у Руссо это все-таки «литература» — какую я все больше не люблю.

Как жаль, что читаешь его всерьез лишь сейчас, в сорок с хвостиком, а не двенадцатилетним юношей.

Правда, тогда мог просто проскочить.

«Мир не есть мысль, как думают философы. Мир есть страсть. Охлаждение страсти дает обыденность».

Как это верно! Как остро чувствуешь жизнь, когда в нее врывается страдание, боль. Собственно, лишь тогда и живешь. И дальше: «Я не принимаю категории опасности. Опасность совсем не плохая вещь, человек должен проходить через опасности».

Есть своя прелесть в «незаконности» чтения книги (особенно умной) не с самого начала, не по схеме, что придумал автор, а вырывая то с конца, то из середины...

20 сентября 2000 г.

О моменте обращения (conversion) у Бердяева: сумерки, сад, тучи... «Тьма спустилась, но в моей душе вдруг блеснул свет».

Не свет, а, скорее, умиротворение наполнило меня однажды, когда я, ночью, мучаясь бессонницей, мысленно наложил крест, — и по душе, по телу разлилось тепло, некая ясность наступила, стало легче, и я скоро уснул. (Года два-три назад).

25 сентября 2000 г.

Желание писателя спрятаться за героя, включив в него собственные мысли (через «образы»), да еще сделать его, героя, на всякий случай убогоньким, «чудиком» — это ведь еще и от необразованности нашей беспредельной, неумения додумать до конца. Сказать-то надо, хочется, наружу рвется — выстрадано, да боишься: умные «засмеют».

Как поначалу раздражает манера Бердяева повторяться: одну и ту же мысль, событие он может приводить, не смущаясь, по нескольку раз (и очевидно, что это не от забывчивости: наверное, сумел бы вычистить при правке). И как потом делаешься, студент неразумный, благодарным ему за эти повторы.

10 октября 2000 г.

Шукшин: как это не о чем писать? Да если даже ты всю жизнь просидел на табуретке, вот об этом и напиши — как ты сидел на табуретке.

Мне кажется, он имел в виду (или предвидел) эту самую «Новую Элоизу», т. е. новую литературу.

2001 год

4 января 2001 г.

Господи, кто же они, эти маленькие Маньки-Ваньки, выбегающие впереди взрослой толпы в Яснополянской кинохронике 1909 года? Когда и какую почву они унавозили, и во имя чего — бессмысленные и бессловесные?

И еще более бессмысленный — он Сам, в каждой волосинке бороды которого сквозит бесконечная гордыня! Как нелепо (в духе его учения) выглядят толпы оглашенных вокруг — встреча на Курском вокзале, далее везде. «Каждый его шаг отслеживался. Утренние газеты писали: “Сегодня в полдень убывает в Ясную”». Да захоти он на самом деле — не было бы никаких толп, никто бы ничего не отслеживал, чушь все это. (А сотни интервью?!)

Как ни странно, все, что касается Толстого (вокруг него) вызывает раздражение, протест — даже сам факт смерти, хотя — куда бы уж печальней и всамделишной.

«Из вагона (по прибытии поезда в Ясную) гроб с телом вынесли сыновья». Почему? Вроде бы, по-русски не положено носить гроб близким родственникам. Потому что — для толпы, для объективов? И чуть позже, почти сразу и не менее пафосно:

«Четыре версты от станции гроб на руках несли яснополянские мужики». Ну, а кто ж еще потащит четыре-то версты! И куда делись сыновья?

Замечательные кадры кинохроники (канал «Культура»), и, как всегда, совершенно педерастический текст.

16 января 2001 г.

Сегодня ночью, с 15-го на 16-е, перед сном — часа в два — в обычную свою молитву добавил: «Господи, помоги сделать дело, написать книгу, “которую...”».

Не уснул, конечно, сейчас 5.45, и за ночь — штук 15 новых главок, и — главное — сюжет выстроился, кажется, окончательно. Ну, в главных чертах.

И вдруг понял: а ведь помог!
Спасибо, Господи.

10 ноября 2001 г.

Читатель, он как-то догадывается, где ты врешь.

2002 год

16 января 2002 г.

Замечательно, что у дочки есть чувство юмора. Хоть чему-то папашка ее научил!

Пришла и говорит (сiju на кухне, долблю «книгу»), малость перефразировав:

— Если же роман мешает работе, брось ее на хрен, работу свою.

«На хрен» она говорить стесняется, комкает.

Это дочка комментирует демарш мой сегодняшний: день спал, ночью пишу. А на работе сказал, что пошел обдумывать новую модель газеты.

Подождет газета, завтра обдумаю.

27 июля 2002 г.

Из всего происходящего со мной в последний год, со мной и вокруг, приходится сделать печальный вывод: дело, которое всерьез, то самое, которое «дело жизни», отсекает, исключает из жизни все, что не дело. Ни друзей, ни любовей, ни «душевных» разговоров — ничего. Пустота, пустыня, только — дело.

Стоит ли оно того?

28 июля 2002 г.

Стоит ли того *любое* дело?

Вот вопрос вопросов!

Допустим — не стоит. Жизнь должна быть полноценна: с друзьями, с любовями и т.п., и вообще, совесть надо иметь. Ты ж — человек! Все верно. Но тогда не будет дела. Человек будет, а дела не будет. А собственно человеками нас делают уже кем-то сделанные «дела». Сделанные теми, кто пошел на это. Им — спасибо, ну, а им-то каково? Самим? Они-то — правы или нет?

Впрочем, пошедши, назад не вернешься. Прав, не прав...

6 августа 2002 г.

Три дня читаю Успенского, «Новая модель Вселенной». Впервые читаю об ЭТОМ что-то человеческое, т.е. без кликушества и жульничества. Книга написана умно, тонко, по делу — как если бы «про это», грубо говоря, писал я сам. Очень много верных наблюдений и догадок. Очень точно, по-моему, о евангелиях, о том, почему не поможет человечеству «внутренний круг».

Но тоже: как в книжках Кинга. Пока идет серьезный разговор, всё хорошо, как только появился первый монстр — всё, сливай воду. Во-первых, никакого «внутреннего круга», скорее всего, нет, а если он есть, то там тоже собрались какие-нибудь жулики.

И, по большому счету, дело, все-таки, наверное, не в знании. То есть, конечно, в знании, но это знание бессмысленно искать, как ищут, например, приличный колледж. Знания, похоже, открываются, когда ты не ищешь знания, а делаешь дело, когда ты с делом попал в точку.

Сегодня у нас в конторе была встреча с Золотухиным, Валерием. Спросил о взаимоотношениях Шукшин — Высоцкий: почему ВВ любил Макарыча, а Макарыч любил ли — еще как сказать. Золотухин сказал, что Высоцкий был — гений, он как ребенок радовался любой творческой удаче. Дав понять (вслух не сказал), что Шукшин — не гений.

Вот Золотухин — очень «яркий пример»... Великий актер, легенда живая, а человек, похоже, многого не знающий, не понимающий и мучающийся этим. Это заметно.

17 августа 2002 г.

Вчера у нас была «прямая линия» с епископом, владыкой Максимом — чрезвычайно интересный состоялся разговор. Хотел, для себя, спросить владыку об Успенском, но не стал. Понял, что ответит, да мне и самому уже понятно.

Неудобно было чувствовать себя «нехристом», когда прощались с владыкой и редакционный люд повалил за благословением, целовать руку. И, в то же время, понимать всю театральность этого.

Очень интимно это все, не то что писать — думать непросто. В православного ли Бога верю я? Наверное: в какого же еще, кроме русского, Бога мне верить? Прости меня, Господи, за этот лепет.

18 августа 2002 г.

Ночью читал дневники Золотухина о Высоцком. Выбор — в лавке — был между дневниками М. Булгакова, Кафки и Золотухина. Выбрал Высоцкого. Тысячу раз прав Золотухин, что ему в истории достанется роль «друга Высоцкого», уже досталась. Читал дневники и думал, естественно, о себе. Не о «себе, любимом», а всерьез, ответственно, то есть несколько пошло, но по существу. «Срок жизни увеличился», конечно, но мне уже 44 года, меньше не будет, пора подводить какие-то, надеюсь, промежуточные, итоги.

И надумалось вот что. (То есть, вообще-то, ничего не надумалось, но мысль работает почему-то в одном-единственном направлении.)

Вот у нас на Алтае был (он и сейчас есть) замечательный телевизионный диктор Сергей Марков. Его все знали и любили,

тогда еще сильно́ это было в народе: кого-то любить, иметь ку-миров. Мама моя называла его «наш Сереженька» — он на самом деле диктор замечательный, не хуже первых московских «звезд». В своей книжке, вышла пару лет назад, он называет меня в числе своих новых, самых дорогих друзей, которые помогают ему выжить. Ну, я не считаю себя другом Маркова, не по «чину», это он мне льстит, и ничего особенного я для него не сделал, но — сам факт! Это считать достижением или как? Думаю, отдай я маме эту книжку, она бы рада и горда была, и побежала бы к соседям с ней, показывать. Вот в этом смысле мне приятно было мелькнуть в его книжке, но не более.

Лучшие поэты и писатели города знают меня и, кажется, считают «хорошим парнем». Мэру и губернатору известно о моем существовании, и, надо будет, позвоню, и меня «примут». (Это я «итоги» подвожу, пытаюсь подвести.) И вижу, что все это муть, галиматья. Кому-то, может, жизнь за это положить не жаль, чтобы «пробиться», и с мэром «за ручку»... Ну, я все это ценю и понимаю, но к ИТОГАМ это не имеет никакого отношения.

Смотрел в окно на залитую солнцем башню, думал: вру или не вру? Не вру. Спроси меня: хочешь печататься, известности, наград, или пусть потóm, хоть после жизни, но чтоб настоящее, бессмертное? Да, лучше потóm (лучше, конечно, сразу, но, раз выбирать...). Конечно, лучше — настоящее.

9 октября 2002 г.

558 (пересчитываю главки).

Вроде бы сегодня же снаружи, в мире «Майя», началась своя перепись — населения.

22 ноября 2002 г.

Ощущения последних недель: некая всеобщая, тотальная выморочность. То есть и комната, и дом, и город, и Россия кажутся помойкой, все время хочется вымыться, и спать, и ни хрена не делать. Но спать не получается, и вообще мало что получается.

Скриплю перышком, но — без полета, все трудом. На нерве, голова несвежая.

Год прошел, промчался, пролетел — «как не было». И только на роман глядя, т. е. на главки романа, каким-то образом можно его почувствовать, больше — никак.

2003 год

6 января 2003 г.

В ночь, так сказать, на Рождество, а точнее, вчерашней ночью, я впервые трезвыми, *не ослепленными* глазами посмотрел на все наработанное.

Половина, по меньшей мере, никуда не годится, т. е. — вне искусства. (А вторая половина? — еще не знаю.)

Рано утром позвонил Толе, он уже сидит, работает, сообщил ему это печальное известие. Толя приободрил: «Ну, если половина годится, это очень здорово. И хорошо, что ты это видишь — другие писателя просто ослеплены и не способны здраво оценить собой написанное».

Я в самом деле счастлив, что увидел — вот бы было весело побежать с «шедевром» в серьезные издательства и пучить там на них глаза непризнанного гения! Тьфу!

7 января 2003 г.

Проходит день, и я уже думаю по-другому.

А почему, собственно, это (половина наработанного) — вне искусства?

Почему я так решил?

Ведь год с лишним назад, садясь за этот — титанический, теперь я вижу — труд, я ведь и собирался делать новое искусство. Еще один, пусть не самый хреновый роман в кучу из тысяч других, более или менее нехреновых — это скучно и не надо. Я хотел делать свое, нечто, чего еще не было (форма и суть).

Но, видимо, законы жанра существуют все же, и они пообломали мне рога в процессе. Хорошо, что обломали. Просто начался новый этап.

«Титанический» труд не потому, что его делает титан, наоборот — пигмей в том, что касается технологий. Главное, что я вижу: несовершенства, от которых я едва (на пару дней) не впал

в панику — это те же достоинства, потому что я вижу, насколько глубже можно сделать вещь, насколько она масштабней (и интереснее), чем это представлялось вначале.

16 сентября 2003 г.

Один, в поисках веры, чтобы иметь волю жить, доходит до некоего «потолка» и понимает, что дальше искать нечего, что это и есть Бог, который всё.

Другой понимает, что этого мало, что какой-то есть в этом изъян, уж больно просто, но попытки лезть дальше «по вертикали» тоже бесполезны: куда дальше? К более какому-то высокому, что ли, Богу? Но это одно и то же. И тогда он «кольцует» бесконечность, то есть Царствие небесное.

А третий... Третий был Иван-дурак. И у него все получается, как в сказке.

24 сентября 2003 г.

Читая Чаадаева (философические письма), смеешься его «обличительным» речам против России. Сам-то — кто? Не русский, что ли? Говорить про Канта, что он еще «не свет, свидетельство о свете», то есть полагать, что свет — как раз ты сам и твоя философия — это какую надо иметь силу! И какую слабость после этого клепать на «темных» русских!

2004 год

2 января 2004 г.

Есть что-то глубоко отвратительное в показушной «корпоративной» сплоченности, выпячивании ее на русской почве.

Это особенно заметно в телевизоре, да и вживую не менее мерзко.

Во-первых, ясно, что нет никакой сплоченности, команды — что это обычная паучья банка. Но это бы ладно. Корни мерзости в другом: вот это «мы лучшие», «мы самые успешные», «отдельные» — вот что противнее всего русскому сердцу. Да с чего ты лучше-то? Зачем — отдельнее?

18 февраля 2004 г.

Ты ни о чем не можешь догадаться, можешь только вспомнить.

20 июля 2004 г.

Удивительные вещи происходят с «Турубаровым»! Роман «просветил», буквально, Турубарова, то есть — меня. И что он высветил? Что этот малый, Турубаров, а в конечном счете все же я — не очень и умен. Бесспорно — несамостоятелен, наивен. История всей «джизни», если ее взять отдельно, фабульно — банальна.

В общем, печально это выяснить из собственного романа.

Что греет, обнадеживает? То, что это видно как раз из романа — значит, по крайней мере, без вранья. Это уже кое-что, в плюс. Заметно также, что у малого за душой все же что-то есть, что не совсем уж «прост Башкатов».

А интересно все-таки: теперь я точно знаю, каким выгляжу со стороны.

II

Оренбургская тетрадь

2004 год

30 июля 2004 г.

И вот ты едешь через полстраны. Кому-то нужен!

И даже ты, который думал, что тебе-то точно уж никто не нужен, понимаешь, что это не так.

Человек должен быть кому-то нужен, должен ездить. Может быть, ездить поважнее, чем быть нужным.

Как выясняется, это одно и то же.

Довлатов, том которого дала племянница (в дорогу) и от которого она в восторге, безусловно, писатель второго сорта.

Пожалуй, даже третьего. Второго — Гладилин, Аксенов, от которых в восхищении Довлатов.

«Еще один без голоса, при абсолютном слухе».

Такие хороши в юности: помню, как зачитывался в свое время Гладилиным («Дым в глаза»).

Да ведь племяшка и есть — в юности.

1–7 августа 2004 г.

Оренбург. Знакомства (скулы, головная боль), достопримечательности, парочка идей.

Всё — потом.

7 августа 2004 г. 19.30.

Едем до Нсб. Верхняя полка № 42. «Книга прощания», Олеша, купленная в Оренбурге.

Интересен ли я как объект для изучения? Потянул бы я, положим, на хотя бы повесть или маленький рассказик?

«Попы, шедшие всегда быстро, с каким-то сатанинским видом» — давненько я не находил у Олеси таких замечательных...

8 августа 2004 г.

От хорошей прозы отталкиваешься, как от трамплина, к своим мыслям. Как, допустим, от хорошей философии. Именно так, говорит Мамардашвили, надо читать Канта: неважно, понял ты его, не понял. Если сам задумался о мире — уже хорошо, больше ничего не надо. Понять Канта невозможно, и, наверное, не нужно. В другом дело.

Красногорское

С могильного камня на меня глядели глаза отца, мамы (разумеется, глядел-то — я), я представлял их не живыми, теми, что были со мной, а существующими — если ОНО существует! — в ином, высшем измерении, не нашем. Чтó там, какие вы теперь, идущие там, взявшись за руки, по своему немислимому облаку? Глядящие на нас: всегда, или только когда мы здесь?

Довлатов (дался мне этот Довлатов!) в интервью на вопрос о недостатке писателя на Западе называет Кинга, среди прочих коммерчески преуспевающих авторов, «поставщиком макулатуры». Это он сгоряча. Скорее уж Довлатов — «поставщик макулатуры» (хотя Россия — все-таки настолько читающая страна, что долго будут помнить и Довлатова). Как раз Кинг — писатель. Во-первых, интересен, его знает мир. Во-вторых, количество наработанного. Что, на мой взгляд, имеет колоссальное значение: время отбракует, но хорошо, когда есть выбор. Достоевский на 9/10 нечитаем, ну и что? И в-третьих, и самое главное — в лучших кусках, где по серьезу, Кинг космичен и мистически тревожен, близок к Богу.

Без озарений литератор неминуемо соскальзывает в третий ряд.

***

Паскаль (да и Кант) о вере в Бога: мол, все же лучше верить, чем не верить. Как некая игра, беспроигрышная лотерея. В первом случае выигрываешь всё или уж точно ничего не проиграешь, во втором — эге! — начнешь потом локти кусать, ан поздно, брат.

Как-то уж слишком «мелкобуржуазно». Слишком мелко для Бога.

***

«Он не заслужил Света, а заслужил покой». Да: с покоем, допустим, понятно. Но как быть со Светом? Что такое Свет?

И заметно, что Булгакову неохота расставаться с романом, что он его именно кончает — в писательском, ремесленном смысле, как продукт. Но больше интересен здесь, на этом уровне, процесс, а не продукт.

16 сентября 2004 г.

«Ума надо дать, — говорят мужики. — Дело-то хорошее, ума только надо дать».

Я начинаю понимать, что значит дать ума. Да, «гениальный

всплеск похож на бред» (и ни в коем разе от этого «брёда» отказываться нельзя — это так). Но дело — делу надо дать ума.

21 сентября 2004 г.

Уникальный писатель — Бунин. Соглашаешься почти во всем. Понятен. «Зачем идти на демонстрацию? Там же, наверное, проломают голову?» Вот эти старики... Для которых академия была делом нормальным и почетным — ничего этого потом не стало.

Мир сдвинулся, и не за кого стало зацепиться. Есенин, Маяковский — имена-то были, но люди это были совершенно ненадежные. Без царя в голове: без четкого мировоззрения, без правил, воспитания, без никакого, в сущности, образования — и это уже навсегда потом. Вот Бунин ни ногой не двинулся в советскую Россию. А мог бы — и была бы царская рабская жизнь. «Алёшки Толстые» сразу всё сообразили, выбрав хоромы, прислугу, автомобили, рабство.

И совершеннейше понятен Бунин: худой мрачноватый господин, глядящий на все это изумленно и брезгливо. Любил ли он людей — вопрос. Слово, Россию любил точно.

25 сентября 2004 г. Суббота. 23.10.

Читаю (в сотый раз) дневники Бунина. Вообще, перечитывание одного того же, в том числе своих записок — это литературный онанизм. Но, беда, нового ничего нет.

Самая главная оценка творчества писателя (если не говорить вслух о Боге, о делах запредельных), состоит все же не в том, насколько он любил людей: племя, ну и, конечно, человечество. Где тоже всё непросто. Во-первых: чего нас, собственно, любить — зная о нас всё, или почти всё и еще более догадываясь, сколько всего там наворочено. Во-вторых, как известно, не надо любить человечество, попробуй полюбить хотя бы ближнего, соседа. То есть полюби хотя бы своего собрата-литератора, который уж, по крайней мере, должен быть тебе понятен. Актер Золотухин говорил (мне говорил), что Высоцкий радовался, как ребенок, каждой творческой удаче чьей-то. Потому что он был гений.

Говорят, с Моцартом было так же. То есть к любви к человечеству приходиться лучше через все-таки любовь к соседу², но не потому, что ты решил его любить, соседа и литературного собрата, а потому что ты — гений.

И тут опять-таки не обойтись без Бога. Он дает. (А ты проси!)

24 октября 2004 г. Воскресенье.

В книжонке про «частную жизнь гениев» читал не так давно, что Поль Гоген (или Ван Гог? — это всегда как будто одно существо) был до поры «воскресным художником», т.е. служил в банке и писал по выходным, и картины его никто не покупал — плохие, видать, писал картины. Пока не плюнул на все и не уехал на острова (уехал все-таки вроде Гоген), и не стал великим художником.

То есть хреново быть «воскресным художником», вот что. Это я на своей шкуре знаю.

14 ноября 2004 г.

Человек все же знает («спинным мозгом»), что со смертью ничего не кончится. Что дальше — другая, совсем, может быть, не похожая на эту, но — жизнь. Отсюда — некое спокойствие по поводу того, что ты не все успеешь предъявить этому миру. Как будто, когда счет будет предъявлен, ты его оплатишь. Пример? А вот дневник. Он не для Бога (Бог всё знает) и не для себя, он даже и не для людей — он всплывает, если у «потомков» (виртуальных) вдруг возникнут вопросы. Человек работает со словом (это тоже работа со словом) именно на этот случай, отдает он себе в этом отчет или нет.

21 ноября 2004. Вскр.

Читаю, купил, Кандинского: «Ступени» и «Точку и линию». В общем, благодарен (и, как оказалось, «Точка» впервые переведена на русский!). Не знаю, прочел только половину, может, к концу

---

²Лучше все-таки — к соседке...

текста Кандинский и обратит меня в свою веру. Но, в общем, понятно — всё это, по большому счету, ересь, от ума. То есть, глядя на его трапеции и точки, никуда, все же, не деться от элементарного вопроса: мужик, а ты рисовать-то умеешь?

То есть умонастроения Кандинского понятны и бесспорны: что природа и искусство не одно и то же, что подражать природе вовсе не обязательно — это понятно. Оно ведь и в литературе то же самое, те же попытки создать «свое мироздание», «вращаться вместе с картиной» и пр. Но приходит Есенин и говорит:

Белая берёза под моим окном,

и всё становится понятно. Сливай воду, туши свет, товарищ. Отойди маненько в сторону, не за́сти свет.

Странно, но книжки — самые неожиданные, о существовании которых я и не подозревал — мне будто подсовывает Кто-то, и именно тогда, когда они нужны.

5 декабря 2004 г.

Виталя С. («айда в историю!») называет меня Евгений Владимирович, и это смешно: амбал, 25-летний качок в тренировочном костюме, орет через спортзал, перекрикивая музыку: «Евгений Владимирович, наденьте еще пять килограмм». Я, ощущающий себя юношей, усмехаюсь, но с Виталей не спорю: хрен с ним, пусть будет Евгений Владимирович. Все-таки я редактор, а Виталя — ученик, спортивный репортер, я его правлю, делаю заметки более-менее пригодными.

Быки, не чета мне, хилому, ворочают громадные блины, а я до сих пор не могу привыкнуть, что в спортзале почему-то не принято здороваться: каждый приходит и молчком, избегая встречаться глазами, делает свое дело, ворочает железяки. Как идиот, киваю — и не получаю ответа. Порядок!

В спортзал меня вытащил Виталя. Хороший парень: бычок деревенский, с необсохшим парным молоком на губах. Виталя хвалит меня: «Костяк у вас есть». Как за 50 в жиме лежа перейдете — дальше само пойдет, говорит Виталя. Теперь я жму 45 — три подхода по 10 раз. А начинал совсем плохо: 30 кг не мог выжать, штанга на грудь валилась.

13 декабря 2004 г.

Купил на развале том «Абрама Терца». Купил, разумеется, из-за «Прогулок с Пушкиным». Мужик за прилавком заметил интерес: «Да-да, те самые “Прогулки с Пушкиным”, и загнул полтинник. Сошлись на сорока рублях. Дома начал читать и тут же вспомнил, что уже читал эти «Прогулки» и так же, через 20 страниц — за ненадобностью — бросил. И удивился: из-за этого какой-то был ажиотаж, какие-то «споры»! Но сорока рублей не жалко. Это — как учебник: учишь, сукин сын, как не надо писать. Там еще — книга толстая — совершенно беспомощные художественные произведения и достаточно любопытные тюремные записки. То есть любопытны в них цитаты зеков — потрясающая энергетика, все остальное (умствования) опять же, большей частью, ничтожно.

Он пишет, например: «А в Риме ничего родного, сколько помнится, кроме Капитолийской волчицы, да и та скорее проходит по этрусскому ордеру». Ну, мало того, что вся фраза, целиком — чужь (он сравнивает римскую и греческую античность). А сколько еще дурного тона, позы в «сколько помнится», «да и та скорее» и т. п. — вплоть до «этрусского ордера». Дурилка картонный! Интересно, били его зеки? Должны были бить.

Но это (возвращаясь к фразе) еще не все, есть и следующий уровень пошлости: книга («Голоса из хора») составлена из тюремных писем к жене. Теперь надо представить и эти письма (жанр все-таки предполагающий какую-то интимность, доверительность, даже если это заготовки к будущей книге), и эту несчастную жену, дождавшуюся весточки, что, «сколько помнится...»

А вот одна фразочка — это всем фразочкам фраза! ЗК о Гитлере: «Его обращение погубило. Страшно погубило. Наш не любит, когда по морде».

За это не то что сорок рэ отдать — год отсидеть не жалко. Это мы запомним!

26 декабря 2004 г.

Купил, читаю «Стихотворения» Лимонова. Никогда прежде не читал его стихов, давно хотел увидеть — вот, увидел. Очень, очень талантливый Эдичка.

Из стихов многое становится понятным. Например, понятно, зачем Э. Лимонову было надо чесать из России. Он убегал, чтоб воплотиться. Потому что гений Эдички — весь — зиждется на снятии табу. Латентный гей, Лимонов не мог стать открытым педерастом в Москве, а в Нью-Йорке — пожалуйста. И сделать на этом книгу-«взрыв». Нельзя также написать книгу «Великая эпоха», с потрохами сдав родных маму и папу, если они, мама и папа, спят в соседней комнате, — совестно. В заграницах — не совестно, далеко. И главное откровение Лимонова — в стихах о Геринге, где он признается, что маршал ему интереснее, чем сложенные штабелями трупы на соседней фотографии. Попробуй признаться в этом в России — морду набьют (и правильно сделают). Кстати, в нынешней России в этом признаваться можно — вот же: стихи, Москва, 2003 г. — и страшно не то, что Эди-бэби в этом признается, это его личное дело, и «как художник» он как раз понятен, а что никому нет сейчас до этого никакого дела. Пропала Россия.

29 декабря 2004 г.

Проснулся в 3.30, в ночь глухую, и сижу, лопачу новогодние материалы, подготовленные братьями моими: на службе этим заниматься уже некогда, тонны бумаг, несколько разом гоним номеров.

И вот что думается: как бы проще было все, если бы было только это. И как бы интереснее, наверное, была газета, если бы я ей «отдавал» не восемь, а восемнадцать часов. И купили бы ее охотнее. И денег мы бы (я бы) больше заработали. И как бессмысленно все это было бы на выходе.

Кому он нужен, этот номер (он, кстати, и так будет хороший — даром, что ли, сижу в ночь глухую!) уже через два дня после выпуска?

Мертвы люди, не имеющие сверхзадачи. Запад мертв. Русские люди чувят это мертвечину, но большинству-то сверхзадача не дана, силенок не хватает. Что остается? Водка остается. Но лучше уж пусть водка, чем действительно что «номер».

И вот этот мой «самоанализ» больше всего и говорит, что я — не журналист. И — хорошо. Ленин был журналист.

Не, мы — в формате романа.

2005 год

16 января 2005 г., ночь.

Недаром я пишу в «Турубарове», что его обвиняют в плагиате. Часто — и в лучших кусках — я ловлю себя на мысли, что все это уже было (не мистически, а натурально). Хотя «спёр, беззащитно и нагло» я пока что только одну фразу — зека у «Абрама Терца».

Дело тут вот в чем (об этом — туманно, но в самую точку — говорит Володя Башунов, поэт). Володя своей целью называл освобождение слов, т. е. он считает, что поэт должен сказать так, как хотел бы сказать человек, но не умеет — не художник.

Это — не цель, а средство — но как это верно! — в отношении «освобождения». Человек, да, узнает себя. Он думает, что сам об этом думал (на самом деле ни хрена, конечно, он не думал, но — хотя бы хотел думать). И узнавая себя, он не поднимается до озарения художника, но — чаще — его опускает на свой уровень. И — ладно, пусть хотя бы так, лишь бы проснулся. Но в этом как раз кроется и снисхождение к таланту, даже — к гению, и вот это вечное, что ты — украл. А ты, наоборот, отдал.

25 января. Утро, 6 ч. 50 м.

Читал за завтраком интервью с И. Резником («Говорят, вы были знакомы с Высоцким?» — «Да, нас однажды познакомили...»), и вот о чем подумалось. Там еще, отвечая на вопрос о первом шлягере, он назвал «Толстого Карлсона». Я помню этого «Карлсона», его все пели, и Чилия подбирал мотив на гитаре. Я тогда «учился» у Чили (выучил четыре аккорда) и хорошо помню, какое колоссальное значение имела для меня дружба с ним — не дружба даже, он был старше, позволял дружить.

И вот — какая пропасть лежит между Чилей, подбирающим чужой мотивчик (но как бы «делая» его на твоих глазах), и собственно автором (стихов, музыки — неважно), делателем.

И какая пропасть, в свою очередь, между И. Резником и Высоцким, мимолетное знакомство с которым — уже факт биографии.

5 февраля 2005 г.

Высший класс: писать, как бы делая одолжение. Но так, что и понимая это, гребаный мир тебя читает — потому что нельзя не читать. Надо.

Вот так пишет (может, и не так, но впечатление такое) Рюноске Акутагава.

7 февраля 2005 г.

Мир, все-таки, не «гребаный». Никакой он не гребаный. Нет ничего дороже, здоровее и моложе, чем мир: ты и твои ровесники, двадцатилетние, дорога, рыжики в траве. По телевизору увидишь какую-нибудь простенькую картинку — и окатит радостью, и работать охота.

И башка болит со страшной силой. Сильнейшая простуда. Слабость жуткая. Великое желание работать, и — встанешь, нет сил, шатает.

19 февраля 2005 г.

Дочь подарила, вместе выбирали, как бы на 23-е книгу Сведенборга. (Вообще, хотел Гермеса, но его не было.) Там же — комментарий, целый трактат, Канта.

Как же уныл Кант! Как он надоел! Я пару лет, можно сказать, «увлекался» Кантом. Тяжелое увлечение. Садится эдакий сморчок, при бороде (была ли у Канта борода?) и с хитрыми глазами, достает из кармана складный метр: «Сейчас я, ребяташки, все вам объясню. Складный метр — это устройство на шарнирах, которые, шарниры, состоят из...», и т. д. Пока дойдет до чего, собственно, он хотел измерять, с тоски помрешь.

И совершенная нелепица — сам Сведенборг. Сумасшедший, чисто сумасшедший. Вот как относиться к этим блаженным, у которых — видения? То есть что они не врут — бесспорно, зачем бы им врать. Но что с того, что у тебя были видения? (У меня тоже, мля, было видение — так что ж теперь, доставать всех с этим видением?!) То есть тут Кант — титан.

Я думаю, что бред очень легко принять за озарения. Вот хочешь приобщиться к свету или, во всяком случае, понять,

о чем они, — но света нет, а понимать и вовсе нечего. И жития святых, как ни печально, в этом же ряду (русских святых, я имею в виду, которые должны, по идее, быть ближе, а они — дальше). Или они на самом деле пусты, их видения, и не имеют «мирового значения», а имеют какую-то ценность только для самого блаженного, или, чтобы оценить их опыт, надо самому иметь какой-то другой опыт — духовной жизни, и тогда, глядишь, они откроются. Сомнительней всего, что их видения и возникающий на их основе космос вызваны намеренно. Они желали этого и — увидели. Куда более ценными мне представляются озарения, пришедшие по ходу дела, на пути к какой-то цели. Тут подлинность бесспорна.

Т. е. это, грубо говоря, искусство.

3 марта 2005 г.

Читаю книжку — подарил некто Серёга Б., с хорошим, теплым и, разумеется, напыщенным посвящением, тут же и подписал. Держит, как всегда в таких случаях, не художественная сила, этого нема, а сила человеческого документа. Что-то вроде объяснения в милиции по случаю привода: мол, взяли бутылку, нет — две. Выпили... Человек Серёги (грубо говоря, он сам) — неисторичный, мелкий человек. Но — живой: передвигается в пространстве, действует, живет по понятиям, ему за это бьют морду те, которые не по понятиям...

Может быть, рассказы, романы (а их же десятки, сотни тысяч) не говорят о главном потому, что главного нет, а если есть, то говорить о нем смешно или грустно?

В чем — историчность? В чем — бессмертие? Я думаю, и в том, что о них надо говорить прямо.

Т. е. сказать правду — мало. Важно, кто сказал и какую.

Заметил, что пишу в дневник, когда устаю от «Турубарова». Тьфу-тьфу-тьфу — с «Турубаровым» есть движение. И лишь одна «туда печаль» остается: надо ли вообще всем этим заниматься.

Вот это надо бы еще преодолеть. Сознательно, как говорит Лимонов, поощряйте свою гениальность.

6 марта 2005 г.

В работе Шафаревича нашел сравнение труда крестьянина с трудом поэта — как это верно! Того, старого, пока выгода не вытеснила всякую возможность индивидуального труда, возможность «кумекать». Т. е. прежде выгодой был сам труд.

19 марта 2005 г.

Поощряя свою гениальность, я смотрю на строчку, которую только что изложил:

«— Ты что, с ума сошла? — говорю я. Мне нравится сестра Аннеты».

И думаю: Бог мой, сколько же из-за этих четырех слов, если все случится, как задумано, нагородят словес! Несчастливая «сестра»!

2 апреля 2005 г.

Вчера поминали, сорок дней, Володю Башунова. Много говорили, что Володя в этот день, его душа, еще рядом с нами, что он слышит нас... Не знаю, слышала ли нас душа Володи. Скорей, не покидало ощущение, что это МЫ не здесь, а где-то ТАМ, хрен знает где, но не в реальности, которой, видимо, и впрямь не существует. Хлебаешь суп, осматриваешься: ну, какая, блин, реальность...

И вот еще какая пришла мысль: как узок круг! Как мало людей, понимающих, о чем вообще идет речь.

Но кто-то покупает же Гермеса Трисмегиста! Я только зубами у полки пощелкаю — цена кусается, на другой неделе прихожу: Гермеса нет.

Да кто-нибудь из «круга» же и покупает.

8 мая 2005 г.

На ТВЦ «дискуссия». Какая, к свиньям, может быть дискуссия? Скоты! «Гарри Каспаров» — аж зеленый, исходит ненавистью к русскости, клепает на «империю», визжит. Какие-то бараны из Прибалтики хаут Россию, как хотят. Ведущая — «Кира Прошутинская» — и нашим, и вашим: мол, Россия есть карашо, но недостатки были, надо говорить всю правду. Какая правда? Когда надо брать дубину!

И всё это — накануне 9-го, и как бы «подвигу» посвящено! Жуть, ужас, мрак. И — будто так и надо, они не боятся. Как же они ничтожны, без опоры на хребет, на тех, кто реально что-то делает, кто хочет и может. И как их сметет однажды — Боже, какую бурю они пожнут, идиоты.

10 мая 2005 г.

Вот писать об этом — что «Россию продали» — или не надо, или писать не так, как я 8-го. Не надо горячиться: получается зло и неталантливо. (Чем все нынешние Прохановы и страдают.) Может, вообще об этом лучше не писать, да и не думать, но не думать не получается.

***

Ольга Б., матерщинница: мат через слово, мат на мате. Для человека, ее совсем не знающего (Серёжа К., который за рулем), — дичь невероятная, паскудство, дно. Но весь Ольгин мат — это защита внешняя, способ спрятать душу девочки-бабочки. Она с детства любила — обожала! — лошадей, и выйдя замуж (то есть уйдя из родительского дома, став самостоятельной), первым делом завела в хозяйстве коня. У нее и сейчас лошади — несколько. Может, для этого и замуж вышла.

То есть трудно в этом грубом быте (а надо вспомнить ее, маленькую девочку: рисует тонконогих лошадей в альбоме) найти какую-то другую адекватную защиту.

То есть (не пожалею времени, продолжу) — конь. Ну, что такое конь? Это, грубо говоря, здоровое животное. Его, во-первых, куда-то надо поставить (а сараюшка — покосившаяся, тесная, крыша худая). Во-вторых, конь не часто, но жрет, и как скоро выясняется, какает. Ну и так далее. А она только что на выпускном порхала в белом платье. То есть это — протащить мечту через столько-то лет, не отступить — это подвиг. И ведь это, с конем, все же в удовольствие, а есть еще работа (медсестра в больничке, где те же горшки), и на работе, разумеется, не платят — то есть на эти гроши седла не купишь, не то что какую-нибудь «мягкую мебель» в дом...

Как тут не заматериться? Я бы заматерился, сто процентов.

19 мая 2005 г.

Психологические тесты, которые мы заполняли с дочерью (визит к Светиле) наверняка останутся где-нибудь в загашнике у доктора. Там я ответил на сотни вопросов (типа: не хотел ли я в глубоком детстве убить бабушку лопатой?). Ученик Светилы вывел графики. В основном лестные характеристики, детали уже забыл, но что-то вроде «сильная воля, высокий творческий потенциал» и т. п. А один пик (самый, как я понял, высокий) указывает на наличие острейшей озабоченности, тайной проблемы, изводящей меня. Возможно, сказал доктор, это связано с женщиной.

Нет, это не связано с женщиной. Это, наверное, про роман: я не знаю, что получится. Хорошо вроде бы (тьфу-тьфу-тьфу) складываются четыре, кроме первой, части. Перебелил их, но никак не могу отойти: возвращаюсь, крою. А с первой пока тяжело: каша, «перловая шрапнель», теряюсь.

28 мая 2005 г.

Отмечается 100-летие Шолохова: президент в Вешенской, ряженые и т. п. Читаю Бондаренко в «Завтра» о юбилее. Странное чувство: при изначальной «генной» доброжелательности к этому, Шолохова, имени (хотя бы потому, что — русский) — очень ясное понимание ненужности, избыточности похвальбы, переходящей в натуральное кликушество. Как будто человек, ратуя, в общем, за безусловно правильное и разумное — в целом-то — дело, за чем-то рванул рубаху, сорвался, заверещал, заматерился — и испортил, смазал впечатление, погубил дело. Как вообще сейчас, когда заходит речь о русскости: как будто в самом «деле» есть изъян и червоточина.

На самом деле никаких «изъянов» в нашем деле нет: просто не надо погибать, то есть изъян не в самом «деле», а в том, что о нем толкуют не вполне самодостаточные, не очень сильные — да просто слабые в коленках — люди. Когда Бунин говорит о русских и о русскости, никаких вопросов в этом смысле нет, никакой «странности»: все ясно, Бунин — гений, а Россия — мать его, чего ж тут суетиться? Он и не суетится.

Владимир Бондаренко умный человек (и критик), когда дело касается проблем и ругани, но как возьмется хвалить — всё, туши свет, лучше бы ругался. Он говорит, например: «Влияние на русскую литературу XX века Михаил Шолохов оказал громаднейшее, более чем кто-либо другой. Весь XX век русские писатели любых взглядов и направлений творили, оглядываясь на шолоховские глыбы». Прямо жуть какая-то, аж страшно делается!

Это кто же, интересно, из русских писателей XX века творил, оглядываясь на шолоховские глыбы? Не знаю ни одного такого. Кто, вообще, из приличных писателей может «творить», оглядываясь на какие бы то ни было «глыбы»? Ведь Владимиру Бондаренко должно быть известно, что природа писательства — вообще творчества — состоит вовсе ни в каком «оглядывании на глыбы», а как раз наоборот. То есть — глупость, перебор, подтасовка, никому не нужная, в том числе Шолохову.

Скорее уж скажи, если быть честным, что вторая половина XX века для русских писателей была «оглядыванием» на «Мастера и Маргариту» Булгакова, но и это будет неправда. Потому что далеко не для всех, а самое главное — никакого «оглядывания» действительно нет.

Есть (у настоящих) некий прорыв — условно сказать, к свету. Но это всегда так было.

18 июня 2005 г.

Прочел «Алхимика» Коэльо, ночью. Очень хорошо, в предисловии, о четырех причинах, мешающих человеку пройти свой Путь. Предисловие интереснее, чем книга. Вряд ли захочу еще что-то читать у него. Как и с Мураками в свое время. Потому что перевод? — все-таки очень важно само Слово, охота читать по-русски.

О том, что вся Вселенная желает тебе помочь, когда ты занят своим делом — это очень хорошо, правильно.

19 июня 2005 г.

Больше всего поражает отсутствие в природе нормальной, толковой книжки — какого-нибудь «Введения во Вселеннознание», — где бы (хотя бы) коротко и ясно было сказано, что нам

известно на сегодня и какие у нас перспективы. Хотя бы правильно задачи были сформулированы — ладно, хрен с ними, с ответами, коли их нет.

Но нет и этого! А если где-то оно есть (ну, у Путина, положим, есть или нет?), то почему-то засекречено со страшной силой.

Видимо, открой вопросы (даже не ответы, а вопросы) — и людьми станет невозможно управлять. Раздавят собственных царей, скажут: чего ж вы, гады, раньше-то молчали?!

26 июня 2005 г.

Велик ли вклад Вик. Ер-ва в русскую литературу? Я думаю, что велик вклад в нее моей жены Надежды, во всяком случае, его можно измерить. Поскольку я печатаю «Турубарова» на югославской машинке, а 13-миллиметровых лент в продаже почти никогда нет, то я беру 16-миллиметровые, а жена ножницами отрезает от каемки по три миллиметра. Огромное количество метров уже нарезала. В чем измерять вклад в русскую литературу Вик. Ер-ва, я не знаю. О романах его я не говорю, т. к. читать их нет никакой возможности, но передачку о литературе по «Культуре» я нет-нет да посмотрю. И вижу, что на передаче делается всё, лишь бы не сказать ни слова правды. Потому что правда состоит в том, что Вик. Ер-ев — г...нюк, гости его в студии — г...нюки в квадрате, а великий русский народ, который смотрит его передачи и принимает их за чистую монету, — г...нюк в кубе.

Причем, я настаиваю, что меньше всего виноватый — сам Вик. Ер-ев. Он другим быть не может. Будь всё нормально, все бы знали, сам Вик. знал, где его место. А коли позволено — так кто же виноват? Сами и виноваты.

***

Сутки поработал на даче и смотрю (1-я часть): Господи! — не лучшая ли часть? (Во всяком случае, там нет никаких «журналистов» и «писателей», которые если появляются, то сразу начинаешь почему-то подозревать какое-то жульничество.)

2 июля 2005 г.

Что, если мир (не «маяя», а действительная, окончательная сверхреальность) держится на этой самой движущейся, изменяющейся «майе»? Не наоборот.

Как кванты, атомы, молекулы являются нашей основой, так мы (наблюдаемое нами время и пространство, «маяя») питаем Высшую реальность, делаем ее существование возможной.

Тут нет, я думаю, обидного для Бога: мы же не обижаемся на атомы. Но убери, вынь нас — и рухнет Бог. Может быть, вот в этом смысле Царствие Небесное — в нас, т. е. тут не загордиться надо — это глупость будет, чем гордиться? — а проникнуться, понять, насколько хрупко все и в то же время спаяно и схвачено. А?

3 июля 2005 г.

Видимо, настало время применить «правило Жеглова», т. е. правило Кинга: успех = нынешний объем — 10%.

М. быть, это верно. Даже наверняка верно. Может, и не 10, а 20%.

***

Теперь — два важных вопроса. Самых важных. Зачем это делается?

Собственно, один вопрос. Какие еще могут быть вопросы?

Ну, совсем по-простому: обессмертить имя, например, да? Ну, допустим — кто же против, хорошо бы «обессмертить имя». Но это не ответ. Что значит — обессмертить? Это не цель, это, похоже, как побочный продукт, может быть даже это средство.

Цель все же — получить тот самый эликсир бессмертия, не только для себя, вообще. То есть и самому не выпасть, не остановиться, и других поддержать, кто вышел, и, возможно, завести кого-то, вот и — цель. А личное «бессмертие» не главное, это само собой — как лишний толчок, средство для движения всего и вся к Великой Цели (ну — которая и есть движение, балбес. Договорился.).

8 июля 2005 г.

Пообщавшись со Светилой, я понял, что, должно быть, в мире все же есть, могут быть «посвященные». Т. е. знания, до которых

я «допер» сам, можно получить непосредственно от Учителя, и, похоже, такой Учитель у Светилы был или есть (имеются же у него какие-то сношения с Далай-Ламой, например). То есть «посвященность» не означает, конечно, наличия какой-то справки на руках (хотя почему бы, собственно, и нет?), не означает каких-то сверхъестественных способностей — хотя наличие неординарных, на уровне маленького чуда, в той же врачебной практике Светилы не только подразумевается, но и имеется фактически.

Нет, это прежде всего знания: о том, что вертит миром, как оно все тут управляется, откуда что берется и т. д.

Бесспорно, что у Светилы знания шире, основательнее, он, похоже, не один десяток лет ухлопал на приобретение фундаментальных знаний, энциклопедически подкован — чего у меня в помине нет.

Потихонечку, не раскрываясь, Светило прощупывал меня и все сильнее раскрывал глаза (свои) и углублял проблематику: то есть он понял, что со мной можно разговаривать, что и от меня можно взять что-то — «давать», похоже, Светило давно завязал: кому «давать»?

В общем, похоже, я его растрогал. Подарил на прощанье папочку зеленую: «Такие есть у каждого члена нашего ученого совета. Считайте, что вы приняты в совет. Складывайте сюда рукописи свои или что там у вас».

Пригласил — высшая, надо полагать, степень доверия — в Горный Алтай: «Мы туда едем на следующей неделе. Будем медитировать. Хотите — присоединяйтесь».

Поблагодарил, но отказался: говорю, что вряд ли это мне сейчас необходимо, мое дело сейчас — у станка сидеть.

16 июля 2005 г.

Я все-таки переоцениваю сделанное. Смотрю на роман: вот он, все пять частей, в зеленой папочке Светилы (очень впопугу пришла папочка Светилы), а — радости нет.

Похоже, я малость зазнался, загордился — «русский гений».

Нужен какой-то поворот, волшебный поворот в сюжете, в композиции. И тут своих сил мало. И не думаю, что — вот, начну давать читать, советы какие-то дадут — нет, этим делу не поможешь.

Конечно, поработаю с объемом: сейчас — всё жалко и еще охота добавлять, но надо — убирать.

Надо — включить движение.

7 октября 2005 г.

«Смысл жизни» (очередной «смысл жизни») Франка — книжечка тонкая и потому прочитанная: по дороге на дачу — с дачи.

Книжечка хорошая, но немного что добавляющая. Тут, может, важно — что есть подтверждение, что ты не идиот. Что «лучшие умы» о том же думают — то есть о «бесконечности».

28 октября 2005 г.

«Турубаров» написан, а я все «забываю» об этом сказать.

Что я испытываю?

Полное бессилие перед текстом, невозможность ни убрать ничего, ни добавить, ни слово какое-нибудь (неудачное, как мне кажется) заменить.

Как бы этот этап прошел.

20 ноября 2005 г.

Как велик Толстой в своих коротеньких наблюдениях, всполохах мысли (запись от 3 февраля 1887 г.) и как суетлив, ничтожен в попытках реализовать свои «заветы», убеждения на практике.

1884, 19 июня: «Встал в 8-м. Мужик Григорий Болхин, Каспер-мастер и Павел, сапожник, косят сад. Я около 11 часов ввязался в их работу и прокосил с ними до вечера. Дети — Илья и Леля и Алсид — косили же. Очень было радостно. Вечером пошли купаться». 20 июня: «В 7-м, не убирая комнаты, пошел к косцам и натошак до обеда тянулся за ними и вытянул. Приходил один Леля. Позавтракал и заснул на полчаса. Теперь пишу это».

Очень ясно видно, как мужик Григорий Болхин, Каспер-мастер, Павел, сапожник лебезят перед стариком и особенно детьми, как ненавидят они их и себя за это, как мешают они друг другу. Как матерятся про себя косцы и крутят пальцем у виска за спиной у Бородатого, как он там им не нужен, в реальной работе.

1 декабря 2005 г.

Пообщался в воскресенье с Толей. Толя советует роман вдвое сократить, переделать, подчистить, а потом и вовсе выбросить. И садиться писать короткие вещи — авось, что получится.

«Я вот свой роман выбросил же!»

«Чем отличается журналистика от художественной прозы? Что такое роман?» — спрашивает Толя. Я, как баран, смотрю на Толю. Толя, жалея меня, не договаривает то, о чем он часто говорит (и пишет): «Писатель может стать журналистом, журналист писателем — никогда».

Считается, что Толя — писатель, а я — журналист. Горячиться не стоит. Дело в том, что я — внутри — думаю, что Толя прав. Отчасти прав. То есть виноват более не Толя, читатель, а «чукча-писатель». Даст Бог — у меня будет время заняться отделкой романа. Я все еще «внутри», не вижу его глазами читателя.

Христа — никто не видит Христа в трамвае; не понятно никому, что «всё в наклон, в наклон» — это шутка. Ну и — нормально, чего нюни распускать? Работаем! Есть просто гениальные куски, говорит Толя, например вот это: «Я влез на полку, лег и стал одним из тех, которые лежат на верхних полках...» и т. д. Ну, правильно. Но если он видит это, почему он не видит другое? Словом, придется снова переделывать.

Помогай, Господи!

5 декабря 2005 г.

Я вспоминаю себя (тексты) — да хотя бы года-двух назад. Ну, не всё, но многое писалось — на уровне звука. На уровне звука!

Положим, Канта ты отбросил, прочитав, — но собственной системы не построил. А Кант (неважно, прав он или нет) силен именно тем, что он — построил. Сколько же надо было лет прожить, сколько бумаги извести, чтобы прийти — к основам, что еще на уровне детсада должны быть известны.

31 декабря 2005 г.

Наш водила, угрюмый Виталя, вдруг (мы возвращались в контору в автомобиле) спросил у меня:

— Вы, Евгений Владимирович, статьи-то пишете, или нет?

Не понимая, чего ему надо, я сказал на всякий случай: «Да, пишу» (хотя сто лет уже их не пишу).

Виталя покивал, поцыкал зубом:

— Хочу пожелать, чтобы у вас в новом году все было хорошо. А то вы все время в кабинете. Чтобы работа была интересной.

То есть Виталя, как я понял, посочувствовал. Каким-то нутряным чутьем почуял, что мне надо что-то менять в этой унылой, на Виталин взгляд, кабинетной крысиной работе. Вообще, я, видимо, произвожу на людей не самое плохое впечатление, коли сочувствуют. Вот: что может знать Виталя об интересной (для меня) работе? А ведь — что-то знает!

2006 год

8 января 2006 г.

Хорошо сказал Сергей К.: «первая редакция».

Серёга, сбитый с панталыку (он ожидал большего — не гениальности, на кой Серёге моя гениальность, но, конечно, большего), явно жалея и желая ободрить, сказал мне: «Первая редакция». Толя был куда суровее.

Я за каникулы многое передумал, и насчет «русского гения» у меня заблуждений нет. Я думаю, что я — хреновый писатель, так писатели, как я, не работают, они бы гроша ломаного так не заработали. Может, потому не получается, что разговор-то очень

уж серьезный? Но у меня бы, кажется, и «несерьезный разговор» не получился. Правда, что несерьезным я бы и заниматься не стал.

22 января 2006 г.

В пятницу удалили зуб. Как оказалось, это был какой-то уникальный зуб — чуть ли не 33-й. Доктор сказала, что на ее памяти это второй случай — в ее практике. А сел в кресло — сбежался «отдел», я открывал рот и показывал.

Вырвали на удивление легко, без всякого зверства.

29 января 2006 г.

Насчет «второй редакции». Читаю книгу «Расшифрованный Булгаков», там цитируются куски из второй редакции «Мастера». Боже, какая гигантская разница с окончательным текстом! Просто невероятная! — во второй редакции ну совершеннейшая, полная беспомощность (и особенно в диалогах). Вообще, Булгаков — очень посредственный писатель до какого-то момента: рассказы его, фельетоны всяческие, «роковые яйца» — вполне заурядная литература. И вдруг — такая мощь! Как будто с какого-то момента вмешиваются Высшие силы — и диктуют.

Но на самом деле все проще: он просто очень долго работал. Рос вместе с текстом, поднимался духовно, и это отражалось, отсюда — мистическая сила, мощь.

И все равно: в этих делах — покой, свет (меня сейчас именно это интересует), Булгаков так ни до чего и не допёр. Ну — не он один. Никто во всем мире не допёр.

8 марта 2006 г.

Роман: я его строю, как при жизни человек делает гроб. Мол, не спасешься, так хотя б помрешь по-человечески.

2 апреля 2006 г.

Вот — Ницше. Безусловно, темный человек. Умный: в очечках. Усищи Силеня. «Бог умер». И чем умнее — тем ядовитее, гаже. Нутряное, утробное чувство: раздавить гадину или уж подальше, чтоб не вырвало.

Достоевский. Прорывающийся к свету, мрачный, жуткий тип. Падающая. Готовый все отдать, все бросить, через все перешагнуть (и через ту самую «слезу ребенка»), лишь бы прорваться к Свету, выскочить. Соглашаешься, но до конца не веришь: много игры, литературы. Много ума, но ума — русского, то есть пойдет за чувством, интуицией, сделает «как красивше». Если понадобится, и смерть примет (при условии, что — на миру).

И вот — Есенин. «Третий брат». Тот самый Иванушка, младшой. Без задней мысли. В тысячу раз умнее старших, вместе взятых (и сам знает об этом, но не скажет — разве что по пьянке вырвется, — потому что понимает, что не в этом дело). Всё получится, всё скажет, всё сумеет — ибо верует. «Утром, в ржаном закуте...» — и эти, с бородами, могут отдыхать.

Безусловно, счастливый. Безусловно, умрет раньше всех — потому что это жизнь, а не литература.

22 апреля 2006 г.

Давал читать «вторую редакцию» Толе. Тот, как и в первый раз, советует выбросить сделанное и начать новую книгу. И опять спрашивает: что я хочу этим сказать, какая заложена идея? Или — отказаться от «романа», пусть это будут записки. И назвать это следует, говорит Толя, так: «Джизнь. Записки Турубарова».

— Может, — говорю, — «Джизнь» для названия не очень?

— Не, — говорит, — нормально.

Года не прошло, как принял Толя «джизнь». Это радует.

Насчет идеи. Она, вероятно, в следующем. Каждый, кто захочет стать самим собой — т.е. Сыном Божьим, — неминуемо должен повторить путь (и подвиги) Христа. И быть готовым принести себя в жертву, буквально. Вот, собственно, и всё. Или — почти всё.

29 апреля 2006 г.

Сильно отвлекаюсь на газету — даже на три газеты — на новой работе. «Гл. редактор трех-четырех изданий...» Выдумали название газеты — «Два слова».

14 мая 2006 г.

Когда ты стоишь перед Богом — какая разница, русский ты, татарин, еврей или чукча? Вот это, наверное, надо понимать.

Но, каким-то странным образом, это важно, когда ты еще здесь. Т. е. и это тоже будет учтено.

15 мая 2006 г. Утро.

Европе, со всем ее выпендрёжем, умничаньем, барством и безответственностью, еще предстоит понять, что — куда ей без нас, без России, без этого мощного, сурового соседа?! Никуда. Пропадет, сгинет: скушают злые дядьки из-за океанов (или свои злые дядьки) и косточки выплюнут. Обманут, околпчат и перекрестят в другую веру, как наперсточники лохов, или опустят, если не обманут — как паханы.

Может, она это и понимает («нутром чует»), но уж больно горда, и слов таких — про нутряное чутьё — не знает.

10 октября 2006 г.

В воскресенье вечером гуляли с дочерью. Собственно, один путь — в книжный на Соцпроспекте и обратно. В «Книжном мире» почитал, урывками (покупать сейчас не на что), Бродского и Генри Миллера — и добавили сил.

Бродский — умница, я совсем не знаю его стихов и сужу о нем очень поверхностно, а тут — куски прозы, о русской литературе, и как точно! — буквально моими словами. Что Достоевский слишком близко подошел к Провидению, смыслу его, и оно эту «ветвь литературы» обрезало.

И Генри Миллер: не выдумывай никаких стилей и сюжетов — пиши, что думаешь и чувствуешь, люди спасибо скажут, они хотят именно этого — узнать себя, «неизреченного». Как это совпадает со мной! Гут.

22 октября 2006 г.

Закончил «третью редакцию» Турубарова. Два дня (суббота, воскресенье) сидел на службе и вколачивал правки. Один. Благо, что «техминимум» прошел, справляюсь без помощников.

Что я вижу? Вижу хорошую прозу. Вижу, что там есть всё или почти всё, что сейчас всерьез волнует меня. Не знаю только, видно ли это другим.

Будь у меня более приличные идеи — я бы переписал финал. А надо ли? Не факт. За идеями, мне кажется, это в «Единую Россию» или еще какую лавочку. За СЛОВО я, во всяком случае, отвечаю.

3 ноября 2006 г.

На днях — ледовое шоу с Плющенко, Бобриным...

Ах, как люблю я это: мировой уровень, «драйв» мирового уровня, накал, напряжение. Даже здесь, в шоу на провинциальном льду, в сто раз обкатанном представлении. Каков же напряг там, где «решается судьба олимпийских медалей»! Стоимость всего этого — она висит в воздухе, взвинчивает атмосферу, напрягает. Битком набитый зал — люди не дураки, знают, на что смотреть, это тебе не «Алёна Апина», несмотря на дикую, говорят, стоимость билетов (я пришел по «контрамарке», не вполне понимая, на что иду).

И вот: каков Бобрин, отточенный, абсолютно профессиональный, какой-то даже сверхпрофессиональный — это Богом данное, и Плющенко — пожиже, но тоже полубог, на пике, в самой славе — и пресловутая «Слущкая». Толстозадая, выполняющая — и как будто нелюбимую — работу. Разумеется, упала, попытавшись вертануть какой-то там «двойной тулуп», и не пыталась больше, просто так ездила. То есть: вечное третье место, сетования на судьбу, на лед, на судей и пр. К озарению — никаким боком.

10 декабря 2006 г.

Вчера в телевизоре Юрий Мамлеев говорил о моменте, когда он увидел, что мир имеет и иную, кроме этой, реальность, и понял, что теперь он может быть писателем. (У меня об этом — в строчках «Мир высветлился. Что-то с ним или со мной произошло».)

Но вот что удивительно: я к этому (что — писатель, «имею право» писать, ибо *вижу*) пришел, уже будучи этим самым

«писателем», то есть упорно работая над текстами, и не без поддержки «сверху», как мне кажется. Это — как второе дыхание, которое дается все же тому, кто сознательно побежал, уже будучи подготовленным, тренированным. Т. е. Господь дает, похоже, прежде убедившись, что ты на самом деле хочешь прийти первым, а не на прогулку вышел.

2007 год

1 января 2007 г.

Охота писать — и охота писать «Воздух неполного счастья», но не могу поймать стиль, «не звучит». Чувствую, что стиль турубаровский мне больше не пригодится — а нового нет. Т. е., я думаю, его не придумывать надо, он сам собой придет, и чем проще — и спокойнее — он будет, тем лучше.

Он, конечно, витает в воздухе (ну да — неполного счастья), но его надо увидеть.

14 января 2007 г.

На каникулах в два дня был написан «Воздух неполного счастья», практически без правок, «на одном дыхании». Поймал ли я стиль? Боюсь сглазить. Давал читать жене («Только ты учти, что чукча — писатель, а не муж и не сумасшедший, а то начнешь ревновать или звонить в психиатрическую»). Давал читать Толе: «Хорошо». — «Точно хорошо?» — «Да».

Толя советует выбросить «минет» и пр.: «Это грубо. И это всё было уже у Миллера». Может быть, он прав.

Что дальше? Впечатление такое, что, на сегодня, «всё рассказал».

26 февраля 2007 г.

На 23-е, идиот, напился красного вина, кидался в сугробы после бани (на турбазе) — героическая личность, козья морда...

28 февраля 2007 г.

Похоже, тайна-то — раскрыта.

То есть идея движения — она должна воспроизводиться в тексте БУКВАЛЬНО. Действию необходимо двигаться, т. е. герой — и мысли — должны двигаться в пространстве.

Я это понял сейчас, сию минуту (19 ч. 51 м.), перечитывая «Воздух неполного счастья», пытаюсь понять, чем же он держит, в чем его внутренняя энергетика. В том, что герой (я) — движется, ходит туда-сюда.

Неужели всё так просто? Откровенно говоря, не верится.

25 апреля 2007 г.

Пишу письма — Бондаренке и его зав. редакцией «ДЛ» Валентине Григорьевне. Говорил с ней 23-го по телефону. Понял, что пробиться к «самому» достаточно сложно и рассказал о романе ей: вы же, говорю, наверное, тоже не случайный человек. Обиделась, назвав фамилию: «Если это о чем-нибудь вам говорит». Говорю — говорит, хотя на самом деле ничего не говорит.

Словом, надо переслать текст почтой — так она советует. Займись.

1 мая 2007 г.

М.: «Хорошо (про «Воздух»), но «Джизнь Турубарова» — лучше».

Ясен пень, лучше, т. е. не лучше даже — это по-другому. Это и не я вовсе написал, это была, как Марадона говорит, рука Бога.

Так рассказы не пишутся, с рассказами надо по-иному.

2008 год

27 апреля 2008 г.

Пасха. Вчера отправил «Турубарова» в «ЛГ», Полякову. Не то чтоб я нарочно подгадал отправку к Пасхе, но так получилось, что в субботу надо было на работу, и — забрал 2 часа у работы, написал письмо, вложил в «бандероль» и отправил. Письмо следующего содержания:

«Уважаемый Юрий Михайлович!

Как-то по телевизору (кажется, в «Апокрифе») Вы сказали, что Вам достаточно прочесть пару абзацев из книги, чтобы понять, литература это или не литература. Прошу посмотреть на эту пару-тройку абзацев из моей «Джизни Турубарова», а если «зацепит» — прочитать и весь текст.

У меня нет опыта продвижения книги, очень надеюсь на Ваши советы и помощь — если книжка того стоит».

На самом деле надеюсь. Бог даст, что-то получится. Увидим.

А то, в самом деле, с «Турубаровым» — как в анекдоте: «Ну ты хоть билет-то купи!» (про еврея, который у Бога просит выигрыша в лотерею).

25 сентября 2008 г.

Ношу опять ниточку на запястье, зеленую, бабкину. Пью (с сомнением, но гоню это сомнение) святую бабкину воду, сижу по вечерам на соли.

Марковна на этот раз какая-то сонная была, усталая. Пошептала, выполнила чин и потом уже, напоследок, как бы посомневавшись — говорить, не говорить...

— Там у тебя много чего еще...

— И что теперь? К доктору идти?

— Да разве они вылечат? Сделай-ка ты вот что...

***

Вчера встретил сумасшедшего Бузьку. Идет от нас, довольный — получил 1300 рублёв гонорару за статью. Остановились. Снова про Бартини. Тысяча первый круг вокруг Бартини. Это уже не очень интересно, но — молодец, лупит в одну точку.

Говорить с ним физически тяжело: Бузька вращает бешеными черными зрачками, весь — движется, ходит ходуном, перескакивает с пятого на десятое, на ноги наступает тапочком спортивным.

А ведь он, блаженный, и пребывает в настоящем-то, правильном «дискурсе» (если не определяет его) — и не единственный ли в этом городе?

5 октября 2008 г.

Ограниченность человека особенно заметна в его текстах. Правишь оригинал — и видишь. Не мысли, даже не наметки мыслей — некий шум, вроде бы верно автором уловленный, и неспособность дать ума этому шуму.

Скажешь — чел багровеет, обижается, нервничает. Не понимает, чего ты от него хочешь. И таких — много. (Про газету.)

Буду сейчас пробовать писать предисловие к «Турубарову». Сколько я его уже пишу? — полторы странички текста. Два года? Три?

С 28-го на 29-е, октябрь 2008 г.

Про «я» в литературе опять мысли. Художественная это литература или нет? (Как одна дама про «Воздух...» — это похоже на дневник. Да нет, не дневник. Дневник, если его не писатель писал, читать невозможно, а если его писал писатель, то это «больше, чем дневник».) То есть тут дело, наверное, в том, кто пишет. Человек с чутьем художника никакой «дневник» писать не будет. Это все равно будет литература. Но — какая? Хуже она «настоящей», где Анна Каренина и Карамазовы, или не хуже?

Для меня лично — мне Анна Каренина и даром не нужна. Божь, и Карамазовы мне больше не понадобятся, мне это сейчас неинтересно. Никакая игра (в Деда Мороза!) мне не интересна. Только чистая правда мне нужна, но, конечно, правда — художника.

Но здесь тоже... Вот Лимонов решил, что дело вообще ни в какой не литературе, он («я») интересен сам, как личность, и какие могут быть художества? Сожрут и так.

Ан нет. Только кончаются «художества» — и, оказывается, кончается личность. То есть личность-то и состояла в том, что он — художник, этим интересен. А без этого — «дневник». Зачем? Дневников не надо.

III.

Архангельский вояж

2009 год

17 января 2009 г.

Сунулся в «неотвеченные вызовы» и обнаружил чей-то левый, не занесенный в адресную книжку телефон. За вчера, 17.25. Долго и с неожиданной теплотой размышлял, кто же из земляков вспомнил про Женю. Наконец, набрал: «Скрипин...»

— Ну да, это я, Алексей...

Лёха, верстак, с которым познакомились вчера, который пришел наниматься на работу и пометил в моем телефоне свой номер, да я, балда, про это забыл.

Весь день, до 22-х, в офисе на Полярной, 6.

22 января 2009 г.

Сегодня прозвенел первый звонок в «редакцию» (в 4-м номере дали адрес и телефон). Офис-менеджер Света позвала к телефону. Слабенький голос какого-то архангельского дедушки, 40 лет посвятившего изучению жизни Пушкина, предложил «МК в Архангельске» материал «о 30 дуэлях Александра Сергеевича».

Сразу вспомнил, как в учрежденные Остапом «Рога и копыта» ввалился мужичок с мешком несортных рогов.

24 января 2009 г.

Читаю споры в Интернете («молодежные» форумы) и понимаю, до покалывания в боку, что эти молодые звереныши — они на самом деле другие, они, может быть, правда, чего-то поняли, чего я еще не понял. То есть они не поверят никогда твоей «литературе», тебе не поверят, если выйдешь к ним со старым языком и старыми идеями. Вот это — «деревенщину» свою — каленым железом придется выжигать: чтобы и себя сохранить, и до этих (они все равно наши) достучаться.

25 января 2009 г.

Это не значит, что надо стать одним из них. Вот и Лимон уже не их, уже волчата пошли дальше, и он для них — дедушка, как бы Лимон ни пыжился. Потому что этот язык преходящ, он будет идти все дальше вниз, до полного разрушения. Вот это разрушение надо предвидеть и попытаться остановить. Но — как? «Личным примером». Другого аргумента, кроме этого, похоже, нет.

18 февраля 2009 г.

Прочитал книжку Новикова о Высоцком. И вот там есть упоминание о строчке из песни «Я не люблю», первый, «высоцкий» вариант — «И мне не жаль распятого Христа». И что Борис Можаев, что ли, сказал ему: ну, ты чё, мол, разве так можно? — и еще кто-то сказал, и Высоцкий заменил на «Вот только жаль распятого Христа».

Не зря ли заменил-то? Здесь ведь речь о другом, не о том, о чем Можаев, Новиков и иже. Здесь много от «народного» непонимания: если Бог, если можешь защитить себя, людей — почему не сделал? Но и это только первый пласт. Тут еще как бы подведение черты, боль человека, который и про «свободу воли» слышал, и другие замороки, но душа-то вопиет о чуде, о надежде на чудо — и о таком вот «отъеме» этой надежды, а если так, то — как жить без даже надежды на чудо? Вот ведь почему «не жаль». И мало ли что чудо будет явлено потом, через три дня — но это потом, и это другое чудо.

Так что Высоцкий здесь попал в ловушку, о которой Ст. Кинг предупреждал (и Чехов): не надо сильно доверять советам. Пусть останутся ошибки, но это будут твои ошибки.

6 апреля 2009 г.

«Архангельские очерки» — а кому нужны мои архангельские очерки?

Но, похоже, с этим надо кончать, с «человечеством». Это мне надо, моей душе бессмертной, а не каким-то «людям». Пригодится «людям» — ради Бога. Нет — не надо.

8 апреля 2009 г.

Вышел покурить в лоджию, сел за стол (ясно, яркое солнце) и внезапно увидел свою левую руку, кисть с сигаретой между средним и указательным: тонкая, бледненькая, как поганка, и в «возрастных» веснушках, две или три вовсе крупные...

— Э! Да ты старый, Женя.

17 апреля 2009 г.

В понедельник зашел к Толе В. на службу, предварительно позвонив.

— Чай, кофе?

— Кофе.

— Тебе с коньяком?

— Нет. Пощусь.

Налил две чашки, и, спиной ко мне, опрокинул там чего-то стопочку. Сел за стол багровый. 10 час. 30 мин.

Я тут у них посидел с неделку перед Н. годом. Хаос, бестолковщина, движение бумаг, работа на хозяина (который в свою очередь работает на своего хозяина), интриги мелкие и крупные — как не запить? Запьешь.

Где же ее искать, нормальную работу? Ясен пень, где — в себе.

18 апреля 2009 г.

Со мною «вот что происходит». Где-то внутри меня сейчас сшибаются две силы, два «модус вивенди». Один желает забыть о тщете исканий, славы, бросить оставшиеся силы на «писательскую дачу». Этот «модус» полагает ясную, размеренную жизнь. Покой, устойчивость: могу же, если захочу, и о «высоком», и само «высокое» — доказано.

Другой нашептывает, что все это — дурь. Что у тебя достаточно ума, воли, таланта, чтобы прожить совсем другую жизнь. Для этого надо прежде всего забыть о возрасте, считать, что ты в самом начале, и без судорог, спокойно вести свою линию.

1 мая 2009 г.

В больнице, за десять дней, прочел «Войну и мир». Впервые — целиком, впервые — разом. Всю философию романа, то есть

основную мысль Толстого, можно выразить в двух фразах. Но Толстой, если с Толстым согласиться (а я скорее соглашусь), дает какое-никакое руководство к жизни. Коли движение народов и событий идет по своим законам, независимо от чьих-то волей — это развязывает тебе лично руки. Всё будет как будет. Ты лично на это (ах, какова мысль!) повлиять решительно никак не можешь. Ну и — занимайся своим, Богом данным, делом.

6 мая 2009 г.

Удивительное дело моя безработица. Приезжал Вовка из деревни, привез картошку и целую сумку собранных его женой Надеждой банок солений-варений. Жалея, смотрел на меня.

И вот, на самом деле, не будь у меня «писательства» — сейчас бы бегал, обивал пороги, нервничал. А я спокоен, не то слово — рад!

Помогай, Господи!

14 мая 2009 г.

Теперь, после «Войны и мира», «Свода евангелий» и тьмы других толстовских текстов, включая дневники и письма, думаю, могу включить Толстого в список тех немногих авторов, которых я люблю и понимаю до конца. Кстати, подумал, что он невелик, но начал вспоминать, и список начал разбухать, расти. Махнул рукой: можно «до бесконечности»...

13 июня 2009 г.

Фальшь прет, когда пытаюсь в свой текст втиснуть не свою, подслушанную лексику — пытаюсь выдать ее за свою.

14 июня 2009 г.

Весь день шерстил архивы, несколько коробок (и еще осталось!). Я вытеснен с архивом на балкон, но и он не резиновый. Началось с книг: не вписываются в новый интерьер. Увез бóльшую часть на дачу. Вот вспомнить: сколько раз в жизни была эта «переоценка ценностей»?

1. Пластилин.

2. Картинки (фото про футбол-хоккей).

3. Спортивные газеты и журналы.

4. Марки.

5. Толстые журналы и часть книг.

6. Гитара.

7. Книги.

Все это когда-то было ценностью... Ну, какой, не знаю — высшей, наверное, какой...

А! — 8. Фото, книги, фильмы «про Высоцкого».

И много чего еще. Всегда интересен этот переход — только что, вчера еще, была высшая ценность — сегодня не знаешь, куда деть.

23 июня 2009 г.

Вернулся с биржи — там отметили, теперь 8-го. Что-то капнет на счет (начисляют после посещения). Домашние глядят как на волка позорного. Как-то они не совпадают с предисловием Коэльо...

8 июля 2009 г.

Листал интернет — визит Обамы. Чего я, думаю, ищу-то? Чего я тут не видел? Оказалось, вот чего ищу — нашел кого-то, кто сказал: Обама козел, а Расею продали. Прочитал и успокоился.

21 октября 2009 г.

Гоню «Опыт неудач» (глава — в день). А вдруг все-таки получится продать?

Вообще, положил себе: буду писать! Кстати — не вспомню ли когда-то это время как одно из «лучших в жизни»?

26 октября 2009 г.

Я как-то заметил у кота (кот старый, еще в форме, но 15 лет для кота — возраст) абсолютно «человеческое» выражение в глазах. Он так на меня посмотрел, лежа на боку, когда я подошел погладить, что там абсолютно четко читалось: а зачем все это было (жизнь)?

То есть животные как-то по-своему осмысливают жизнь. Это бесспорно. Но — по-своему. А иногда в них прорывается вот это совершенно человеческое. Это похоже на то, когда человек испы-

тывает озарения. Тогда в его глазах есть что-то высшего порядка. У животных высший — это как раз человеческое. Так, похоже...

2010 год

6 февраля 2010 г.

Ищешь успокоения, а находишь — мýку.

А в чем она, мýка? Она не физического свойства, физическую мýку можно *поправить*, вот в чем дело. И это знает человек, этим его не напугаешь. А настоящая мýка — что не можешь писать. Бог не дает.

Потычешься, как муха об стекло — а! К черту, потом...

А никакого потом нет.

***

Прощались с Валерой И. Пришел в ритуальный зал незадолго до выноса. В «предбаннике» подошел к кому-то из журналистов «АП» поздороваться, протягиваю руку одному, другому, а это...

— А вот тебе-то не надо бы руку подавать, — говорю. А сам уже ему лапу жму.

— И тебе не надо бы руку подавать, — отвечает. Важный, толстый.

Тут мимо гроб понесли, через предбанник. Длинный. А мы собачимся, хоть и сбавили тон...

Умерший Валера — это Валера Извечный из «Турубарова», то есть я его образ отдаленно представлял, когда писал. «Рыбофил, картежник, человек, в общем, безобидный — пишет повесть...» Рыбофила и картежника я придумал, повести он на самом деле писал и даже издавал.

Вышел, говорят, на лестницу, закурил и упал. Умер. Кому эти его повести теперь нужны?

13 февраля 2010 г.

Вчера в новостной колонке «Яндекса» читаю, утром: «Модельер Александр Маккуин мог повеситься из-за смерти матери».

Часа через полтора там же: «Всемирно известный модельер повесился из-за смерти матери».

Эх, думаю, гады, не уберегли! На весь же мир предупреждали: может.

Еще часом позже: «Александр Маккуин найден мертвым в Лондоне». Догадываюсь тогда только, что первая инфа — это типа версия следователей, а он на самом деле не «мог», а уже... Смешно.

Не знаю, естественно, никакого Маккуина, и внутрь новости, разумеется, не заходил.

16 февраля 2010 г.

С чистыми ли помыслами запишу? С надеждой на чистые.

Помоги, Господи (с «Большой книгой»)! Кажется, она мне на самом деле нужна сейчас, «книга».

Впрочем — Тебе виднее, Господи. Делай как знаешь.

Написал вчера в Секретариат: «Прошу сообщить, поступил ли...»

Лаконичный, профессиональный пришел ответ через несколько минут, без соплей: «Регистрационный номер 94».

17 марта 2010 г.

«По традиции, восходящей к незапамятным временам, осмеяние героя есть особая форма его прославления...»

Это верно. Последняя проверка героя на истинность — проверка иронией. Потому что настоящий герой не только мужественный, но и добрый (если не так, то герой мало отличается от злодея). Над слоном охота посмеяться именно потому, что он — сильный, здоровый, как слон. Каково при этом самому слону, это уже его проблемы. Настоящий слон — держи удар.

«Что может хотеться этакой глыбе? А глыбе многое хочется...» (Маяковский).

«Охота и мне кому-нибудь сказать: мол, устаю, мол, всё в наклон, в наклон...» (Турубаров).

3 апреля 2010 г.

Ты мог бы быть знаменит и богат (не беден), а ведешь жизнь серой мыши. Почему? А вот почему.

Нашел листок, бумажку свою из Бог знает каких годов. Правильная бумажка:

*Никогда не делай ничего,
Кроме дела, кроме дела одного.*

***

Нету, короче, «политической воли» у тебя, брат.

8 апреля 2010 г.

«Линда зажгла светильники, а Виллард налил всем виски, чтобы Мартину не скучно было продолжать восхищаться их домом...»

(Ирвин Шоу, «Круг света»).

Далее на полутора страницах описываются следующие события: Мартин изучает гостиную, сестра Линда пытается уговорить его остаться погостить подольше (Мартин отказывается), муж с женой — Джон и Линда Виллард — решают прочесть ему нотацию, Джон приступает и пытается объяснить Мартину, что он ведет несколько бесцельную жизнь. Сестра пытается смягчить удар и спорит с мужем, брат иронизирует над ней. Наконец Линда берет сторону мужа. Мартину все это не нравится. Он «встал... и направился к низкому столику возле самого окна, который служил здесь баром, — добавить в виски льда»...

Мама дорогая! Только добавить в виски льда!

Наши — втроем — за это время уговорили бы литр.

9 апреля 2010 г.

Прочел «Адама и Еву» Юрия Казакова (и еще парочку его рассказов). Подумал, что правильно я в свое время написал в «Турбарове» про Ю. Казанкова. Как там: «Ночью, под хруст сухариков, читал. Жалел и мучился». Да, это очень точно: я снова читаю и жалею Ю. Вроде бы и хорош, и слог, и «северное сияние»,

и надрыв, а все же — плох, и особенно плох в «Адаме и Еве», где про любовь, искусство — т. е. «мировые струны».

Читал и думал — что же здесь не так? Почему не восхищаюсь, а жалею? Ну, вяло, ну — слишком «современно» (шестидесятники — все под одну гребенку), ну — «делает красиво» (с этим северным сиянием). Но видно же, что вправду мучается чем-то человек. Только не очень ясно — чем. (Тут разве что «авторитарный режим» какой-нибудь на ум придет или еще какая пошлость.) Т. е. не понятно. Чего-то не хватает, как всегда, когда человек не договаривает или просто врет.

И вдруг понял! Понял, в чем дело-то!

У него там «красивая», «под Хэма», история: к художнику Агееву, которого «не признают» (сколько кавычек — но нельзя без кавычек!), на Русский Север приезжает влюбленная в него девушка, тоже художница. Они плывут на остров — чтобы писать и, надо полагать, «любить друг друга». Но он мается, пьет, в общем, ничего не получается, и она уезжает, уплывает ночью на пароходе под всполохи северного сияния. Ну? Чего тебе еще? Всё тут!

Ан нет. Дело в том, что так не бывает. То есть эту влюбленную девушку любой нормальный мужик на месте «Агеева» трахнул бы еще в гостинице в «широком, казавшемся пустым северном городе». Не говоря уже про остров, где они спят в одной комнате, с натопленной печью.

Нет, я допускаю, что бывает по-другому. Если ты сам влюблен и стесняешься, или если ты все время трезвый. Бывает — мало ли! Но Агеев все время пьет. И он не влюблен. Он как бы обыкновенный циник, талантливый причем, то есть.... Короче, ТАК НЕ БЫВАЕТ. Точка. И это не «понимаешь» (я вот, только хорошенько подумав, понял), но — чувствуешь. А раз он не прав в главном, то не прав и в остальном.

5.30 утра. Встал рано — в четыре, надо кончать «Опыт неудач», вносить окончательную правку, но решил — если сейчас не запишу про «Адама и Еву», то больше уже никогда не запишу, руки не дойдут.

10 апреля 2010 г.

От Демидова (отца, основателя заводов и фамилии) требуют скорейшего выезда на Урал, поднимать Невьянский завод, грозя, если не поторóпится, опалой и «разорением прожитков без всякой пощады». Дело происходит при Петре, кажется — ну, крошечность, жестокий век, жестокие сердца... На самом деле Пётр просто называл вещи своими именами, не считал (не царское дело!) нужным врать.

Историю Демидовых зацепил, когда полез искать сведения об «огнедейственной» машине Ползунова. Вот тоже судьба! Он, конечно, из свихнутых на работе русских людей, которым важно, чтобы все крутилось, как задумал, а там — ни выходных, ни проходных. Не успевает испытать изобретение, умирает, чахоточный, насквозь больной, простуженный на сквозняках в зимнем сарае, где делал машину. И умирая — тоже очень русская черта! — пишет письмо Екатерине, докладывает: что, мол, сделал, Государыня, живота не пожалел. Ну, правильно — кому еще писать, как не на самый «верх», кто еще оценит!

***

И вот что думаешь, зная все это: про паровые машины, пароходы, паровозы, истребители и ракеты, которые делались «не щадя живота». Ради которых Пётр мотался по стране как угорелый, никому — ни себе, ни людям — не давал покоя. Надо ли?

Ну, глядя в монитор с «интернетом» — черт его знает! Вроде бы и не надо. На фиг мне интернет? А паровоз? По мне, так лучше незагубленные реки, леса, воздух...

Но, малость поразмыслив, понимаешь, почему это было НАДО. Не подымай Пётр Русь «на дыбы», не загоняй дубиной на верфи и в рудники — сожрали бы нас, русских, с востока какие-нибудь «зулусы», а с запада — шведы. То есть для племени, для выживания — надо. Тут дела кровные...

***

11 час. 40 мин.

«О нет! Ни одной минуты я не писал для себя. Не странно ли слышать это сейчас, через 100 лет, что я чего-то там *писал для себя...*»

Нашел огрызок бумаги с этим текстом и вспомнил, почему я это записал. Это мой «ответ» на слова жены (и кого-то из друзей) о том, что — «ну, это же ты для себя писал». В смысле, не для заработка, не для денег. Хоть вроде и работал — сидел несколько часов, черкал чего-то.

И вот я такой пафосный немножко ответ записал.

Это на самом деле важно. Для себя ли писал Бунин «Окаянные дни», вел «Потайной дневник» Толстой? Нет, конечно. Это для нас они старались. Для нас и еще для Кого-то, для чего-то. (Нескромно, конечно, затесаться в этот ряд, ну — дело в принципе, а не в фамилиях.) Так что — подписываюсь: «О нет, ни одной минуты...»

***

Убогость всякой моды — то есть ничтожность, зряшность сил, затраченных на то, чтобы быть «модным» — делается хорошо понятной, если смотришь на такую вот, как я сейчас, фотографию. Это духовой оркестр ТЭЦ-1, самодеятельность. Человек десять (смотрю я на нее по памяти, в руках нет) взрослых мужиков от 25 до 40 лет. И вот на ней все люди как люди, а один смотрит в объектив *особенно*, и ноги у него (он сидит в первом ряду) вывернуты как-то неестественно. Потому что на ногах — модная обувь, белые фетровые сапоги с кожаным вертикальным кантом. Это наверняка шестидесятые — я помню эти фетровые сапоги, их, кажется, еще называли бурки, носили их самые моднющие, *богатые* мужики — или начальство, или вот такие, как этот парень из духового оркестра, пижон.

(Надо просто вспомнить Моргунова из «Операции “Ы”» — он в таких фетрах ходил по базару.)

Так вот, говорю — мода... Смотришь на этого парня на старой фотографии — эх-ма! Дурак ты, Ванька. Вбóухал, поди, ползарплаты. И если ничего, кроме этих белых валенок, за душой нет — ну, правда, глупо.

17 апреля 2010 г.

Утром посмотрел интернет, «длинный список» «Большой книги».

Нет, чуда не произошло.

23 апреля 2010 г.

Насчет писательства, «траты времени» на него — при возможной ничтожности результата. (Это всё — «для себя» или «не для себя», надо или не надо.)

Допустим — для себя. Но разве это мало — для себя? Ты — и остальной мир. Что важнее? Разве не всё на свете — «для себя»? Что тебе весь мир, если в нем нет тебя? «Я» — все-таки важнее. Иначе совсем уж глупо, без тебя-то. Значит, «для себя» — и есть самое важное. Так?

Да нет, не так.

В том-то и дело, что — не так. Воспитанные все же советским строем, советской идеологией, то есть идеологией высокого стиля, «имперской», пафосной — и на практике, в быту оборачивающейся ложью, несовместимостью с практикой, — мы все-таки удивительным, «антиномичным» образом переворачивали этот внешний пафос в тихий, но не менее торжественный пафос внутренний, когда ты именно мировоззренчески хотел жить для других, для «человечества», и по-другому себя в обществе людей не мыслил.

Потом, прожив все-таки достаточно долго, успев родить дочь, ты понимаешь, что есть вещи поважнее, чем ты сам. Т. е. никакие «для себя» на этом уровне не проканают.

Ну, а вывод-то какой? Не писать, что ли? «Для себя»-то?

Нет никакого «для себя». Всё — не для себя (через себя и все-таки, в конечном счете, для себя). Круг такой, кольцо. Бесконечность.

21 мая 2010 г.

Читая сейчас «Котлован», вот что я подумал. (Тот кусок, где Чиклин и Воцев приходят в деревню, в которой убили активистов Сафронова и Козлова и где они лежат на столе в сельсовете.)

— Боже мой! — подумал я. — Какой же это мощный кусок для кино!

И вообще — какой мощный сценарий, гениальный сценарий вся эта книга — «Котлован» (для гениального же, разумеется, режиссера).

Вот тот, кто снимал «Город Зеро» — Шахназаров, что ли? — он, я думаю, сделал бы из «Котлована» гениальный фильм. То есть

миллионы бы смотрели и «въезжали» в Платонова. А так — ну очень немногие «въезжают».

В поэзии: ну, Бродский, например. Надо знать, что он эмигрант, гонимый, «Нобель» и т. д., чтобы заставить себя хотя бы попытаться «въехать» в его томик. Полистать хотя бы. Или Лимонов: должен быть черт знает что, и то, что он — «...у негра», чтобы вызвать интерес, хоть крохотный, к своим стихам. Сами по себе они, без этого — ничто.

А есть Леонардо, Рафаэль — и какая разница, резал кто-то из них себе ухо или не резал, если это искусство в чистом виде?

В поэзии — Есенин. Чистое, окончательное, ясное, прозрачное искусство. Но так умеют единицы. Остальным надо «...у негра».

20 августа 2010 г.

Читаешь Толстого — как он «много думает», переписывает мысли из записной книжечки в дневник — и понимаешь, какая это хрень на самом деле, как ничего этого нет смысла записывать, потому что человек — весь, разом, какой он есть — всё это знает изначально, всё это уже в нем есть.

Но — вот читаю же. Надо же что-то читать.

27 августа 2010 г.

Н.: «Ольга сказала про “Опыт неудач”, что “это пошлость, это не литература”».

Странно, но у меня реакция нормальная. Может быть, даже интересней мне услышать, что это — не литература.

Я ведь все же пытаюсь делать «новую литературу».

***

Из «Дня литературы» письмо от секретаря редакции Валентины Григорьевны: что «хорош рассказ» («Большой взрыв»). Может быть, что-то из этого выйдет.

Кстати, отправил ей «Опыт неудач». Не знаю, что скажет.³

---

³Переписка наша с Валентиной Григорьевной на этом оборвалась навсегда — прим. 2022 года.

4 сентября 2010 г.

Читаю книгу Владимира Костина. Томский писатель, приезжал к нам на Шукшинские. Повесть «Бюст».

Очевидно, что В. Костин — хороший писатель. Вот он не говорит «я», он пишет настоящую повесть, про ихтиолога. Хотя все равно понятно, что неуклюжий, толстый ихтиолог — это он и есть, Костин. А у меня вечный вопрос — а оно надо? То есть чем это оправдано? «Художественностью»? А отчего ее стало больше, что он не Костин, а ихтиолог?

В дневниках Толстого наткнулся недавно на фразу (по памяти, под рукой нет) — что «роман уже отходит, и скоро никому не будет нужен. Если есть что сказать — говори прямо».

То есть не в «литературе» дело. Врешь или не врешь — один критерий. Есть еще один — кто ты сам-то такой, как личность-то? Но если ты не врешь, то это уже как бы и второй критерий.

А «художественные ценности» — это само собой, если ты не писатель — кто же тебя читать будет. Если ты писать не умеешь.

И поэтому заходы писательские (вдруг на полторы страницы Костин зачем-то кэ-эк напишет каких-то красотостей про Обь) странны. Зачем? Так надо!

Может быть, я ошибаюсь, и прав Костин, и «бюст» поставят ему, а не мне, но...

В себе бы разобраться — вот что сейчас важно.

Я так думаю!

***

Ага, ну вот, нашел: «Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо». Лев, 18 июня 1893 года.

Там дальше — квадратные скобочки и точки. Режут, как я понимаю, то, где, на их взгляд, «неинтересно». Да мне-то как раз и интересно то, что им, чертям, неинтересно!

Самое удивительное, что Россия конца XIX — начала XX века — она, в метафизическом плане, «в грёзах», куда более Россия века XXI-го, чем реальная Россия XXI века.

У нас сейчас, под смехуечки, скорее XVI, XV вв.

12 сентября 2010 г.

Скажи спасибо, что Господь дал тебе талант, не требующий ничего, кроме бумаги с ручкой. И не требуй больше ничего...

Красиво сказал!

16 октября 2010 г.

Читаю интервью со знакомыми мне людьми, можно сказать — друзьями. Гладко чешут! Умные ребята (и девчата). Я бы так не смог. «Что вам больше всего нравится и больше всего раздражает?» Спроси меня — откуда я знаю, что мне больше всего нравится и, тем более, раздражает. Понятия не имею. Всё мне нравится, и всё же меня раздражает. Мне кажется, я бы не сумел ответить ни на один вопрос, смешался бы. То есть начал бы врать, придумывать.

***

Очень хорошо Парщиков сказал про постмодернизм. Что он имеет дело со следствиями. А дело надо иметь с причинами. Согласен.

Парщикова я прочитал, нарыл в интернете, из-за Жданова. Я ведь тут имел — 11 октября, в понедельник — встречу с поэтом Иваном Ждановым⁴.

---

⁴Встречу я подробно описал в книжке «Барнаульские поэты без иллюзий», при желании ее можно найти. Переписывать историю по новой неохота. Понимаю, что кому-то эта встреча (из-за мировой славы Ивана) может показаться самым ярким эпизодом — тем более есть повод найти книгу, а в ней — главу «Иван Жданов, архетип поэта». — прим. 2022 года.

Иду с работы по Калинина, к остановке. Машины, люди. Вдруг подумалось: а если бы мы, хомо, были не прямоходящие, а ходящие на четвереньках? Будь у нас так скелет устроен.

Вот бы смеху было. Представил, как мы тут все скачем. Из Института экономики мужик — в дверь выполз и, на четвереньках, загребая лапами, к машине... Машины были бы другими, обувь (что́ бы была обувь?), мода.

Зачем-то Господь нас сделал такими, какие мы есть. Тут много чего, на самом деле. (Хорда какая-то на ум лезет.)

Вот еще что вспомнилось. Когда я сказал Сергею К., что пишу книжку «Опыт неудач (мужчина и женщины)», он как-то загорелся — видимо, тема понравилась — и спросил: про кого? Как, говорю, про кого? Про себя. И Серёга потух. Неинтересно ему про меня. Про какого-нибудь генерала и его любовниц-актрис, наверное, интересно.

Это можно. Но если в моих историях — и там правды процентов 50 от силы, то в описаниях любовных неудач (или удач — один хрен) генерала ее, может, и пяти процентов не было бы. Неужели это интересно?

2011 год

2 февраля 2011 г.

Вот они сидят в трамвае,

Вот толпой идут в забой.

Вот опять сидят в трамвае —

Возвращаются домой.

Ты да я,

да мы с тобой.

25 апреля 2011 г.

Сборник статей о Есенине. Пудовая книжечка. Думал —

пятидесятые-шестидесятые. Поглядел, нет — 1986-й. Стотысячный тираж. Сборник! Статей! Это когда же всё рухнуло и перестали читать? Через пять лет, что ли? А в 86-м еще, оказывается, вовсю читали.

Пара блестящих статей о «персидском цикле» Есенина. Полностью переворачивают представление о забулдыге-самородке и дают понять, какую колоссальную работу должен был проделать поэт, чтобы к интуиции и озарениям добавить совершенное знание формы и духа восточной поэзии, и каков истинный масштаб Есенина, подламывающего ее под себя.

15 июня 2011 г.

Где живут стихи Николая Рубцова, сочиненные им, но не записанные на бумагу? Близко знавшие его люди говорят, что таких стихов у него было много. Рубцов не имел черновиков, всё вынашивал в голове и только готовое выкладывал на лист. Об одном таком вспоминает Виктор Астафьев: они были на рыбалке, и Рубцов ушел куда-то к церкви, его долго не было, а когда вернулся, прочитал четыре или восемь строк: про эту церковь, кусты и т. д. Астафьев говорит, что никогда больше не видел этого стихотворения, а оно показалось ему лучшим из написанного Николаем.

Не на вологодском кладбище же они живут, вглубь на два метра, в пустом черепе убитого поэта? Нет, конечно. А где?

«Умом» я понимаю — что нигде они не живут. Помер человек — и кончено. Какие стихи? Но еще бóльшим умом и верой, знанием я чувствую, что где-то они должны жить. Пусть не в этом мире, где-то. Но и в этот они как-то возвращаются. Не знаю как.

14 июля 2011 г.

(После событий в Сагре.)

Преступность, конечно, не имеет национальности. Но вот в чем дело.

Я отлично помню впечатление, которое производили встреченные мною в жизни криминальные авторитеты. В т. ч. русские — русские в первую очередь. Начиная с «прораба» на Дальнем

Востоке. Мужика, который был организатором бригад шабашников. Бригады эти состояли почти на 100 процентов из армян, но руководил их сетью русский. Конечно, он был никакой не проаб, а бандит. Я посмотрел ему в глаза при расчете: он вывалил 400 рублей нам с Санькой за 10 дней работы. Немыслимые просто деньги. (Брат, сам авторитет в селе — командир роты ПВО, договорился с бандюганом о нашем трудоустройстве.) Мертвые совершенно, хоть и умные — по-волчьи — глаза. И много потом таких глаз я видел у русских бандитов, и — да — они не были русскими, эти люди. Если бы дело дошло до их национального самоопределения, и дело касалось при этом конкурентных интересов, любой из них, если не вслух, то про себя сказал бы: «Ну, какой я русский...» Вот в этом смысле преступность не имеет национальности, безусловно. Такие же глаза я видел у грузинских криминалов и у прочих. Это мертвяки, вампиры — просто не люди, какие там русские-французские...

Но когда собирается шайка интер-негодяев, вооружается и едет наказывать деревню русских «жевунов», осмелившихся перечить цыганскому «барону», наркоторговцу и барыге, — какая же тут «нет национальности»? Банда должна и сама за себя отвечать (как этно-группа), и государство их должно за них ответить — как позволившее расплодиться этой твари, неизвестно еще в чьих, в конечном счете, интересах грабящей и терроризирующей местное население, граждан чужой страны.

Мне скажут — точно так же и русские бы собрались, взяли биты и поехали наказывать деревню. Русские бы не поехали. И нечего тут наводить тень на плетень. Если бы поехали русские — был бы другой разговор. Но поехали нерусские.

2012 год

29 марта 2012 г.

Если ты чего-нибудь не любишь — значит, ты этого не знаешь.

2015 год

13 марта 2015 г.

Неожиданный звонок:

— Е. В.? Вас беспокоят из технического университета. У нас есть клуб «Собеседник». Мы прочитали вашу книгу «Барнаульские поэты без иллюзий» и хотим встретиться с вами... Да вы не бойтесь, нас человек двадцать преподавателей!

То есть «Б. поэты» потихоньку делают свою работу. Встречи, положим, мне не нужны: все, что хотел, я сказал. Но вот такая тихая реакция (а до этого была и шумная) — она не может не радовать. Это хорошо, что где-то бродит, в массе человеческой, книга и производит впечатление.

2 ноября 2015 г.

Открыл тетрадку, чтобы (ну, и совесть надо же иметь!) записать стишок, который пришел в голову с утра:

Дженерики в Америке.

А в Африке — джирафики.

Все это, конечно, несерьезно. Но — разминка. Иногда буду записывать.

Послесловие

Ну что, «джирафики»?

А ведь роман давно написан! Больше того — давно напечатан. И что-то изменилось в этом мире? Ровным счетом ничего. Я не проснулся знаменитым, денег за роман мне заплатили столько (могли вообще не заплатить), чтобы сходить один раз в ресторан с друзьями.

Хотя мне доподлинно известно, что есть люди, у которых он закачан в телефон, кто открывает его и читает, как я и хотел: с любой страницы. За одного (одну), по крайней мере, я ручаюсь.

Кончились и мои записки. Ничего после «джирафиков» я, кажется, не записал в дневник. Время началось другое, другие пошли события. Вероятно, на этом этапе количество наработанного перешло в качество, и я стал издавать свои тексты. Вышла в свет тиражом 500 экземпляров книжечка «Барнаульские поэты без иллюзий», рассказы охотно брал журнал «Алтай», журнал «Москва» в 2018 году напечатал мои, как я их называю, маленькие повести — «Рожки дьявола». И, наконец, в 2020 году опубликовал «Джизнь Турубарова» журнал «Урал» — один из лучших на сегодня, я считаю, российских журналов.

Роман не вызвал никакого не то что шума, но вообще никакой реакции, будто его и не было. Может быть, сотрудники журнала теперь говорят друг другу: «Ну, как джизнь»? И все же что-то изменилось в воздухе.

Мой новый роман называется «Мытари Бога». Там о любви, о ревности. Там будет Пушкин — которого мы совсем не знаем или знаем очень плохо. Почему в романе XXI века появляется Пушкин? Потому что, если говоря о взлете, о рождении родного языка, мы вспоминаем Пушкина, то и на закате и, быть может, смерти языка обязан появиться Пушкин.

Или возрождению. Мы понемногу открываем глаза на тот колоссальный объем знания о русской жизни в ее историческом развитии, что обрушился на нас в последние десятилетия. Мы учимся.

Замечательно сказал Набоков (в послесловии к американскому изданию «Лолиты»): «Мне кажется, что всякий настоящий писатель продолжает ощущать связь с напечатанной книгой в виде постоянного успокоительного ее присутствия». Как это верно! Я решил, что фразу надо взять в итоговую запись к моей книге-дневнику «В формате романа», где я пытаюсь объяснить, зачем мы пишем.

И вот только сегодня обратил внимание на слово «напечатанную». Не написанную, но именно напечатанную! Это тоже верно, недаром мы рвемся напечатать, то есть показать своему племени и миру книгу, когда она уже сделана, и этого должно бы быть достаточно. Нет, недостаточно. Не для того мы пишем.

«О нет, ни одной минуты не писал я для себя!» Из дневника, апрель 2010-го.

Барнаул, 2022 г.